

Надежда Мамаева

Академия темных властелинов

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Надежда Мамаева

Академия темных властелинов

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Мамаева Н. Н.

Академия темных властелинов / Н. Н. Мамаева — «АЛЬФА-КНИГА», 2018

Если судьба решила, что ты должна случайно умереть в молодом возрасте, с этим тяжело спорить. Тяжело, но возможно. Особенно если вооружиться юмором, иронией и умением убеждать. И не важно, что договариваться придется с самой Смертью. А вот к чему могут привести такие переговоры, задумываешься, уже оказавшись в другом мире и теле. Мыслительному процессу помогут пересуды за спиной и милые родственнички, жаждущие упрятать тебя в дом скорби. В такой ситуации остается одно – бежать и прятаться в стенах Академии темных властелинов, ведь у тебя оказался дар некроманта: ты поцелована Смертью. Но так ли безопасно в магистерии? Шпионские игры, заговоры, от которых не укрыться даже за широкими черными крыльями главы внешней разведки... И наемный убийца, который совсем близко. Под какой из масок скрыто его истинное лицо?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мамаева Н. Н., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Надежда Мамаева

Академия темных властелинов

Автор сердечно благодарит Светлану – за внимание к деталям, Максима – за морковку, Ольгу – за огранку и дорогих читателей – за поддержку.

Пролог

Проливной дождь пошел резко и стеной, словно кто-то вспорол небесный бурдюк, полный воды. Капли застучали по крышам, забарабанили по разлапистым листьям каштана, начали отплясывать джигу на подоконнике распахнутого настежь окна второго этажа и поливать мужчину, цеплявшегося пальцами за самый край карниза. Вот только вероятность промочить сюртук насквозь волновала его меньше всего. Висевший был занят очень важным делом: он подслушивал. А разговор в комнате, освещенной в этот ночной час тремя дюжинами свечей, велся презанятный.

– Так, значит, нужно отправить в бездну этих пятерых? – Голос с характерной для курильщика хрипотцой был спокоен и деловит.

– Да, и желательно, чтобы убийства были громкими и не оставляли сомнений, что это именно не случайная смерть. – Второй, наоборот, обладал приятным баритоном человека, привыкшего не просто говорить, а заставлять собеседника слушать.

– Хорошо, я передам ваши пожелания моему исполнителю, – усмехнулся любитель табака.

– Надеюсь, он стоит тех денег, что я плачу.

– Даже не сомневайтесь, этот мастер – один из лучших в гильдии Черных Плащей.

Порыв ветра заставил створку удариться об откос и, черпанув пригоршню капель, закинул их в внутреннее тепло комнаты.

– Позвольте закрыть окно, а то становится промозгло. – В баритоне послышались сварливые нотки. А после этого – характерные шаркающие шаги, словно говоривший хромал.

Подслушивавший разговор мужчина расцепил замерзшие практически до бесчувствия пальцы и полетел вниз, руководствуясь принципом: лучше иметь сломанную ногу, чем не иметь на плечах головы. А то, что он ее лишится, едва собеседникам в комнате станет известно, что у их разговора есть свидетель, было очевидно.

Глава 1

Нет хуже награды, чем похвала начальства. Оттого что за ней чаще всего следует речь в духе «ты – молодец», «наш коллектив тобой гордится» и «соверши трудовой подвиг во благо начальства». Я предпочла бы льстивым речам пополнение зарплатной карты, но главбух посчитала иначе. Подойдя ко мне под конец рабочего дня с миной анаконды, только что разбавившей свой пищевой рацион отборной крольчатинной, она похвалила меня за отчет и расторопность, а потом положила на стол пухлую папку: стопка счетов-фактур за квартал. Елейным голоском мне сообщили, что Лейлочка, по совместительству невестка Джоконды Степановны, как значилось полное имя нашего главбуха, приболела, а сверку итогов надо провести пренебрежнейшим образом сегодня.

Выдав эту ценную информацию, на меня уставились в упор. Дескать, попробуй возрази. Я молча проглотила, лишь кивнув. Прописную истину «не нравится – увольняйся» знает каждый, кто хоть когда-то работал. Но пока зарплата все же удерживала, да и стаж был нужен.

Не распахивали конторы гостеприимно двери перед вчерашними выпускницами, впрочем, как и перед позавчерашними. Я даже усмехнулась: в двадцать не найдешь работу оттого, что нет стажа, в тридцать – потому как уже есть маленькие дети и часто будешь уходить на больничный (а то и в еще один декрет), в сорок – уже не так расторопна, а в пятьдесят – слишком большой багаж знаний, которым можешь задавить пламенный спич молодого директора. Из этого порочного цифрового круга 20-30-40-50 порой мне виделся единственный выход: 90-60-90. При таких параметрах руководство зачастую закрывало глаза на все остальные, как то: квалификация, исполнительность, пунктуальность... Хотя был еще один карьерообразовательный способ, но ради него терпеть такое свекровище, как Анаконда Джокондовна (как за глаза называли начальницу офисные коллеги), я бы ни за какие коврижки не согласилась.

Часы продолжали свой бег, офис пустел, охранник любовно поглаживал сканворд, периодически кося на меня глазом в открытую дверь.

Я задерживалась. Основательно так. На столе стояло уже пять грязных кружек из-под кофе, когда я с наслаждением потянулась и выключила монитор. Расквиталась.

Лампочка моргнула. Скачок электричества, что ли? В вентиляции запели то ли застенчивые духи, то ли подгулявший мартовский ветер.

Настенные часы показывали два часа ночи. Соблазн остаться на рабочем месте и прикорнуть на диванчике был велик, но я решила, что лучше поспать на час меньше, но на нормальной кровати, чем скрючившись в три погибели, а потом весь день хвататься за поясницу.

Вызвала такси, благо съемная квартирка, которую мы делили с подругой, находилась недалеко от работы. В полчаса езды. В ожидании эсэмэски с номером машины накинула на плечи плащ и, распрощавшись с охранником, вышла из офиса.

Коридор радовал глаз приглушенным светом, а вот тишина, столь несвойственная зданию бизнес-центра, наоборот, настораживала. Подойдя к лифту, по привычке не задумываясь нажала кнопку вызова. Именно в это время мобильный пискнул.

Я начала рыться в сумочке в поисках пиликалки, когда створки лифта разъехались. Все так же копошась в недрах своего баула, не глядя шагнула вперед. Нога не нашла опоры, а сила земного притяжения, напротив, никуда исчезать не собиралась. Оттого я с криком полетела в шахту лифта.

Двенадцать этажей. Это много или мало? Пока взберешься по лестнице на высоченных шпильках, по ощущениям – покоришь Эверест. За это время успеешь проклясть и изверга-архитектора, и свою работу, и лифтеров, что никак не починят лифт. А вот если летишь вниз...

Говорят, за миг до смерти перед глазами проносится вся жизнь. То ли молва врет, то ли моя жизнь была столь скучна и однообразна, но передо мной пролетели только тридцать метров бетона. Удар.

Мое тело упало на чертову кабину, которая так и не приехала. Она стояла на первом этаже, а внизу под ней суетились ремонтники.

Но все это я поняла спустя несколько мгновений безумной боли, когда меня буквально вышибло из собственного тела.

Я висела над собой. Вернее, над тем, что от меня осталось. Россыпь веснушек на скулах рассекли сразу несколько шрамов, рыжие волосы начали пропитываться кровью, ноги были вывернуты под неестественным углом.

Меня теперешнюю от меня привычной, живой, отделяли всего лишь три секунды. Гребаные три секунды и один шаг! И телефон, на разбитом дисплее которого красовалась издевательская эсэмэска: «Такси выехало. Красный «рено», номер а848мк. Время ожидания 7 минут».

Больше было некуда спешить. Мне. А вот ремонтники, услышав удар, засуетились. Полезли проверять, и тут я... лежу, почиваю.

Мужик в комбинезоне, первым выбравшийся из шахты, увидев мою неземную красоту, побледнел до синевы. Эдак я соберу целую компанию призрачных душ. Судя по тому как сей упитанный дядька схватился за сердце и начал заваливаться, у него были все шансы присоединиться ко мне. Вот это будет поворот судьбы: собственной смертью отомстила своим невольным убийцам.

Истерический смех, как выяснилось, свойственен не только людям, но и призракам. Только он был беззвучным. Случившееся выглядело столь абсурдным, что я просто не могла в это поверить. Казалось, что это просто дурной сон, что задремала на рабочем месте, упала лицом на клавиатуру. Вот сейчас проснусь, посмотрю на папку со счетами и продолжу составлять отчет... милый, любимый отчет.

Ведь такого просто не могло случиться со мной!

У второго рабочего нервы оказались покрепче. Он подхватил своего напарника, усадив его прямоком на пол и прислонив спиной к стене. А сам подошел к моему телу и прижал палец к шее, затаив дыхание. Долго стоял, минуты три, а потом обреченно бросил:

– Звони начальству. И в «скорую». Пусть труповозку высылают.

Это его «труповозку» прозвучало так естественно и правдиво, что захотелось заорать благим матом. Но тут из темного угла раздался скрипучий голос:

– Ну что, убедилась, что окочурилась? Тогда пойдем со мной.

Тень, еще мгновение назад представлявшая собой бесформенный сгусток тьмы, сделала шаг вперед. И я увидела ее. Смерть. Она явилась, как и положено, с косой и в черном балахоне. Единственное, что выбивалось из традиционного образа, – планшет, который она держала в своих скрюченных пальцах.

Идти куда-то с этой образиной не хотелось, оттого я поступила в лучших традициях организаторов торгов: начала тянуть время в надежде выгадать.

– А вы, простите, собственно, кто? – задала я самый нелепый из всех вопросов, что смогла придумать.

Ведь известно: чем глупее вопрос, тем на него тяжелее ответить.

– Ну и души пошли! Как можно меня не узнать? – возмутилась Смерть. – Я для кого, спрашивается, униформу надевала? Для кого обязательную атрибутику брала? – Она в сердцах потрясла косой.

«Рабочий инструмент» у костлявой, к слову, был даже с фирменным логотипом и надписью на обушке: «Вот и все, ребята!»

– Нет, не признала, – стараясь, чтобы голос звучал смущенно, ответила я и добавила, отыгрывая альтернативно одаренную девицу: – Так вы все-таки кто?

– Смерть твоя, – выплюнула капюшонистая старуха со злостью. – За тобой пришла.

– А точно за мной? – заелозила я, как кот после лотка.

Старуха начала терять терпение:

– Да за тобой, за кем же еще-то?

– Ну вот там дядечке еще плохо... – протянула я в ответ, указывая на несчастного, который и не подозревал, что на него сейчас в упор уставилась Смерть.

Она глянула на ремонтника, которого я ей усиленно сватала, а потом начала тыкать в планшете.

– Нет... Этот у нас по распределению пойдет только через двенадцать лет. А то, что он за сердце схватился, – ерунда. У него повестка на ноябрь две тысячи тридцать первого года стоит.

– Повестка? – удивилась я, судорожно вспоминая, а не приходила ли мне такого рода листовочка. Вдруг я что упустила?

– Ну да, – как о чем-то само собой разумеющемся ответила Смерть. – Микроинфаркт.

М-да, вот тебе и «повестка».

– Так ты пойдешь со мной или нет? – устало протянула Смерть.

Я решила, что если спрашивают, значит, есть вариант отказаться. В противном случае со мной бы не церемонились.

– А если нет?

– Тогда останешься призраком. Через век приду за тобой опять. Спросить, не передумала ли.

И столько тоски было в ее голосе, что я решила уточнить:

– А что в этом такого? Ну поброжу немного среди живых. Мне, может, на тот свет жутко не хочется...

– А мне из-за тебя премии лишаться не хочется! – выдала Смерть. – У меня, может, на участке привидений и так полно, а ты мне своим «не хочу» и вовсе лимит превышаешь. – А потом куда-то в сторону добавила: – Эх, развели тут политику добровольного согласия, не то что раньше...

– Так оставили бы меня в живых, – начала я ее уговаривать в лучших традициях одесских эмигрантов. – И вам же лучше, и мне радость.

Сейчас я была согласна на любую жизнь. Пусть с изуродованным лицом, пусть на костылях...

– Не могу. У меня на тебя обязательная разрядка на сегодня стоит, видишь? – И развернула экран планшета ко мне.

Действительно, там напротив моих имени-фамилии значилась сегодняшняя дата и пометка «забрать». Но тут на экран выплыло сообщение с маркером «срочно!».

– Ой, а у вас там... – начала было я, но Смерть уже и сама повернула к себе дисплей. Прочитав сообщение, не удержалась от комментария: – Опять эта суицидная. Сказала же ей еще в тот раз: «Твое время пока не пришло», – так нет же, она опять за свое.

– А что такого? – лишь из чувства противоречия решила я возразить своей собеседнице. – Ну захотел человек умереть!

– Вот мне где все эти ваши хотелки! – Смерть провела ребром ладони там, где у людей обычно находится шея. – Одна умирать не хочет, вторая на тот свет рвется. А у меня в одном мире лимит того и гляди превышен будет, во втором – перевыполнение плана.

Что такое перевыполнение плана, я знала хорошо. Это сначала ты передовик и молодец. Как же, сделал больше нормы! Начальство тебя за это похвалит. Зато в следующий квартал впаяет новые показатели нормативов. Выросшие аккурат настолько, насколько ты этот самый план умудрился перевыполнить.

– Сочувствую, – сдуру ляпнула я.

Смерть презрительно протянула:

– Сочувствует она... А раз так, то пошли со мной. Уговаривай вас тут еще. Одно слово – молодежь. Вот старики даже и не спрашивают меня, кто такая да зачем. Сразу узнают и идут, куда скажу...

И тут я вспомнила, как наша Джоконда Степановна умудрялась виртуозно мухлевать с отчетами, так мастерски тасуя цифры для налоговой, что и не подкопаешься. У нее щебенка могла проходить по цене мраморной крошки второй категории, а бригада из пяти человек – возвести монолитку за полгода. И как ни бились проверяющие головой об папки с документацией, доказать мухлеж не могли.

– А может, мы местами поменяемся с этой вашей суицидницей? Раз ей так хочется прокатиться в лодке по Стиксу, я не против уступить ей свое место, – внесла я предложение.

– Ты на что меня толкаешь? Это же подлог! – возмутилась Смерть.

– Подлог – это когда насовсем, а у вас производство бесперебойное, поточное. Рано или поздно даже при обмене телами я к вам попаду... А так – у вас статистика в норме. Опять же премия... – начала соблазнять я, лихорадочно вспоминая, что еще успела сообщить мне во время нашего разговора Смерть.

Она в задумчивости побарабанила пальцами по планшету и наконец выдала:

– Говоришь, сильно жить хочешь?

– Очень! – горячо заверила я.

– Ну смотри, сама напросилась. – С этими словами костлявая приблизилась и откинула капюшон.

На меня уставились глаза самой бездны. А потом старуха раззявила беззубый рот и начала втягивать воздух, а вместе с ним – и меня.

Меня закрутило, как в водовороте. Черном, обжигающе-холодном, пропитанном болью и ощущением безнадежности.

А когда выплонуло, я оказалась висящей под потолком какой-то каморки. Внизу на постели лежала молодая девушка. Простоволосая, в ночной сорочке. Молоденькая совсем. На вид лет восемнадцать, не больше. Правильные черты лица, чуть пухлые губы, смуглая кожа, лебяжья шея. На шее уродливым клеймом красовался след от удавки. И спрашивается, что ей на свете не живется? Не уродина, не калека, не старуха...

Смерть же, у которой эта девушка, видимо, была постоянной клиенткой, стукнула косо-вищем об пол, отчего дух суицидницы отделился от тела.

– Рейнара Эрлис, твоя душа все так же настойчиво хочет покинуть этот бранный мир?

Наблюдая эту сцену, я сначала слегка удивилась формулировке вопроса, а потом поняла, что он как нельзя точнее отражает суть происходящего: да, покидает этот мир именно дух девушки, а тело остается в мое пользование.

– Да, всецело и полностью! – Пылкий ответ полупрозрачной девы оказался в духе юношеского максимализма.

Эфемерная суицидница так и не заметила меня, притаившуюся в углу. Все ее внимание было поглощено Смертью, которая что-то набирала у себя на планшете.

– Ну, раз ты так просишь... Пошли. – И костлявая протянула руку мятежной душе.

Полупрозрачная точеная кисть коснулась скрюченных пальцев, и они обе исчезли. Просто растворились в воздухе.

Я осталась наедине с телом. И как прикажете быть? Хоть бы инструкцию оставили, что ли, или напутствие в двух словах.

Памятуя о том, что мозг может продержаться без кислорода не более пяти минут, а потом наступает некроз, не стала терять времени даром. Подлетела к телу, дрыгаясь, как космонавт в невесомости, и попыталась улечься на него. Авось удастся воссоединить душу и тело.

Но то ли душа у меня была шибко грешная и тяжелая, то ли плотность этого тщедушного тельца подкачала. В общем, я позорно провалилась сквозь него на пол, а оттуда у меня были все шансы улететь и на нижний этаж. Но вовремя затрепыхалась, затормозила и пошла на второй заход, повторяя, как мантру, фразу, которая бы идеально подошла импотенту, попавшему в публичный дом: «Сейчас у меня получится, все получится...»

Увы, и на этот раз ничего не вышло. Определенно, я делала что-то не так. Но что?

– В голову залезай, дурында, – раздался приглушенный старческий смех.

Как говорила моя бабка Софа: «Умными советами разбрасываются только дураки», правда, она имела в виду, что дают эти самые ценные указания чаще всего люди недалекие, а вот от истинного душой еврея дельного слова за просто так не получишь. Но отчего-то окружающие считали, что она подразумевает: «Нужно следовать тому, что умный человек толкует, а не отбрасывать его совет». И хотя я чаще всего была согласна с трактовкой бабули, сейчас все же решила не пренебрегать напутствием Смерти и ввинтилась в голову той, кому жизнь оказалась не мила.

Гамма ощущений, что я сразу же испытала, была далека от приятной. Горло жгло, тело ломило, на грудь словно булыжник положили. Руки болели, ноги сводила судорога, и... это было здорово, потому как означало – я снова жива!

Захотелось рассмеяться, но изнутри вырвался то ли всхлип, то ли стон, а шею словно обвил раскаленный железный хомут.

В коридоре послышался звук шаркающих шагов. Дверь со скрипом приоткрылась, и сварливый женский голос произнес:

– А, очнулась-таки...

Слова звучали как-то странно, но суть сказанного я поняла.

В ушах почудился шепот костлявой: «Ты упорная, я таких люблю. Оттого лично от меня тебе два подарка, и этот – первый». Что за «этот», до меня дошло не сразу, а когда поняла, что подразумевалась способность понимать местную речь... Захотелось спросить, что собой представляет второй. Рекомендательное письмо? Или сифилис в крови этой Рейнары? У чернобалахонницы хватит чувства юмора на оба варианта.

Попыталась озвучить свои мысли, но удалось лишь прошипеть на манер гадюки:

– Шшшто ты... – на большее меня не хватило.

Зашедшая же в палату женщина, решив, что я обращаюсь к ней, оживилась:

– А я думала, что наутро за некромантом придется посылать, чтобы, значит, сотворил заклинание по тебе. Духовнику же молитв читать нельзя. Самоубийца как-никак... А ты гляди же, выжила. И чегось, спрашивается, в петлю-то лезла? Или решила – в тот раз с утоплением не получилось, удавка лучше будет?

Я закашлялась рваным, надсадным с хрипом кашлем.

– Вот-вот, в следующий раз умнее будешь, – прокомментировала мои терзания посетительница.

Это она на что сейчас намекала? На новую попытку? Дескать, подумай: яд-то он вернее, и шея после него не болит.

– Где я? – прошипела, сделав невероятное усилие.

– Там же, где и в первый раз была: в целильне Святой Себастьяны.

В воспаленном мозгу пронеслось: «Некромант, целильня...» Похоже, я попала значительно дальше, чем ожидала.

А еще запоздало закралась мысль: почему юная девушка так упорно пыталась умереть? Не из-за того же, что тужельки с новым платьем не сочетаются...

Когда судьба вырывает из привычной жизни и кидает в неизвестность, есть три пути: эволюционировать, мимикрировать, слившись со средой, или умереть. Последнее я пережила совсем недавно и повторять подвиг на бис не хотелось, первое было весьма проблематично

в сжатые сроки. Оттого я решила прикинуться шлангом и не отвечать. А для пущей убедительности сделать вид, что лишилась памяти. Ну и части мозгов заодно. Ведь с альтернативно одаренных не только спрос меньше. Говорят, и жизнь так наладить легче. Проверим. А то красный диплом эконома меня довел лишь до работы, а та, в свою очередь, – до ручки.

– Ничего не помню... – начала отыгрывать роль, столь нежно любимую всеми латиноамериканскими сценаристами.

Поднапрягла память, вспоминая всех Хуанит, Марий и Терез, что обожали валяться в отключке и приходили в себя аккуратно с этой фразой на устах. Вот только у них она звучала не хуже горного ручья. У меня же выходило какое-то надсадное карканье. Надеюсь, так будет не всегда.

Меж тем собеседница (кстати, кем она была: сиделкой, сестрой милосердия, бдительной уборщицей?) впечатлилась. Правильно, навряд ли она закалена мыльными операми, где в течение ста сорока серий героиня лежит в коме, а на протяжении последующих двухсот тридцати – приходит в себя. Женщина всплеснула руками:

– О, Пресветлая Владычица, неужто и правду память совсем отшибло?!

Не знаю, кому был адресован вопрос. Наверное, все же этой блондиночке-властительнице, я-то со своей позицией точно определилась: ничего не знаю, ничего не помню, и все тут.

Впрочем, ответа вопрошающая и не ждала. Она подошла ближе, положила прохладную руку на лоб и, причитая: «Ой ты же бедная... а может, оно так и лучше все...» – начала то ли проверять, нет ли у меня жара, то ли убирать мокрые пряди с чела.

Под эти ахи-вздохи мое сознание медленно, но верно начало уплывать, и я провалилась то ли в бред, то ли в сон.

Второе пробуждение оказалось куда удачнее первого: хотя бы не выворачивало наизнанку, а боль в теле была хоть и ощутимой, но вполне терпимой. Вот только шею все так же немилосердно саднило.

Первое, что увидела, медленно открыв глаза, – беленый потолок. Кривенько так беленый, причем не единожды. С явными следами мазков свежей известки по точно такой же, но почерневшей то ли от сырости, то ли от копоти. Стены с облупившейся краской. Рассохшуюся оконную раму стрельчатого окна. Занавеску, знававшую свою юность как минимум полвека тому назад. А еще наличествовали предметы, явно намекавшие на то, что сия обитель сочетает в себе не только гостиную, спальню и трапезную, но и ванную: у стенки скромненько квартировал рукомойник.

Перевела взгляд и поняла, что недооценила степень удобств «люкса». Не только рукомойник, а полноценный санузел: недалеко от кровати гордо стоял ночной горшок. С замызанной крышечкой, зато розовый.

А справа от моего ложа находилась вполне себе приличная тумба. Из цельного дерева. Лакированного. На контрасте с этим единственным приличным элементом интерьера все остальное выглядело еще более убого и затрапезно.

Глиняная кружка с водой, две заколки, потрепанная то ли тетрадь в кожаном переплете, то ли ежедневник...

Стало любопытно: смогу ли я что-то прочесть? Раз уж местную речь понимаю.

Да, совать нос в чужие вещи нехорошо, но мне позарез нужно знать хоть что-то, чтобы суметь сориентироваться.

Трясушейся рукой взяла книжечку. Ни названия, ни надписи. Лишь на потертой коричневой коже, словно выжженная тонкой раскаленной иглой, монограмма по центру в окружении вязи. Положила перед собой находку и попыталась открыть. Книга перевернулась целиком, на манер монолита. Создалось ощущение, что все страницы разом склеились. Занятно. Может, я не рассмотрела защелки? Пригляделась. Да вроде нет.

Взгляд блуждал по коричневой коже, по книжному корешку, а потом случайно упал на запястье. Смуглое, тонкое и... с татуировкой, точно повторяющей монограмму на обложке.

Сначала я испугалась: если и вещи и люди имеют одинаковые метки... Словно и я, и книга принадлежим кому-то одному.

В районе желудка появился ледяной комок. Заставила себя глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть. Запаниковать я всегда успею, как и впасть в уныние. А пока есть время, нужно подумать.

Машинально положила руку на книженцию, отчего рисунки соприкоснулись. Легкое тепло пробежало по предплечью. Уставилась на свою находку, которая вроде как даже попухла, и решила попробовать еще раз.

На этот раз страницы не слипались и даже наоборот: услужливо распахнулись в середине. Бисерный, явно женский почерк вел диалог с бумагой.

«22-е цветня 5947 года.

Дорогой дневник, лишь тебе я могу рассказать о нем. Таким чудесном, красивом и замечательном! Я увидела его только сегодня и поняла – влюбилась!

Сегодня в наш городок приехал отряд по зачистке. Мы с Сорией и другими девочками из гимназии ради такого решили сбежать с уроков, и не зря! Весь наш городок собрался, чтобы встречать спасителей, которые должны избавить честных жителей от кладбищенской напасти...»

Я читала откровения молодой девушки, впервые влюбившейся, даже не обращая внимания на то, что строки написаны явно не кириллицей. Мозг лишь машинально отметил: скорее всего, механические навыки тела, к коим относятся чтение, езда на велосипеде, умение плавать... Они не зависят от души и достались мне «в наследство» от предыдущей владелицы.

Сейчас меня гораздо больше интересовала жизнь некоей Рейнары Эрлис. Знания необходимы как воздух, иначе я очень скоро окажусь либо в сумасшедшем доме, либо на приеме у экзорциста. Это уж какую методику лечения в данном мире практикуют.

А чтение с каждой страницей становилось все занимательнее.

Некий Темный Эрвин Торон (да-да, именно так она и писала, с заглавной буквы все три слова) походя покорило сердце юной гимназистки. Сначала думала, что Темный – это масть вроде блондина или шатена, но дальше проскользнуло упоминание о его волосах «цвета золота». Потом решила, что это прозвище, подобное Хромому Дику или Пьянчуге Тому, но, как позже выяснилось, это была принадлежность к виду магии.

Так вот, этот блондинчик (как я про себя окрестила этого Эрвина) стал навязчивой мечтой Рейнары. Она влюбилась в него без памяти и умудрилась провести с ним ночь. На что рассчитывала, я вначале не поняла, пока не дошла до строк:

«Я думала, что он, как честный и порядочный человек, после всего, что между нами было, женится на мне. Иначе мое имя по его вине покроется позором, о чем и сообщила Эрвину наутро. А он... он лишь посмеялся, сказав, что это я к нему пришла, что это еще неизвестно, чья честь пострадала больше... Мне ничего другого не оставалось, как рассказать обо всем отцу в надежде, что батюшка найдет управу и, может, уже к вечеру я стану носить фамилию Торон...»

Дальше чернила расплывались. Видимо, хозяйка больше плакала, чем водила пером по бумаге, но общий смысл понять удалось.

Папочка, вместо того чтобы молчать, попер на залетного молодчика, как бык на красные «жигули», не подозревая, что машина – вещь хоть и не очень прочная, зато бегать на своих покрышках может гораздо быстрее, чем парнокопытная зверюга. В итоге к вечеру отряд по этой самой таинственной зачистке уехал.

Я же больше всего сожалела о том, что дневник юной барышни в период полового созревания – это вам не отчет, где все сухо и по делу. Тут в основном Рей изливала свои чувства и

впечатления. Так и не поняла, что за зачистка? Кого они почистили? Ясно же, что не ковры... А вот Рей осталась, как и слух о том, что дочка одного из уважаемых, пусть и небогатых семейств города, больше и не девица никакая вовсе.

Сплетня полилась по ушам и закоулкам, обрастая все новыми подробностями. Отец краснел за дочурку, хмурился, грозил монастырем, но именно что грозил, спуская пар. У меня даже закралась мысль, что не иначе сам по юности был грешен.

Зато маменька этой Рей развернулась вовсю. Как и младшие сестренки, которым выходка старшей грозила почетным статусом старых дев. А кто посватается к тем, чья старшая сестра честь не блюла? Вот если бы их приданое не умещалось в паре-тройке чемоданов, а выражалось в дюжине заводов-мануфактур, тогда другой коленкор, а так...

От Рейнары отвернулись и подруги, посчитав, что приятельские отношения с «блудницей» могут бросить тень на их репутацию.

День ото дня записи девушки становились все мрачнее. Маленький городок, строгие нравы, семья, где мнение окружающих и приличия ценятся выше чувств родных. Выслушай хоть кто-то глупую девчонку, которой лишь недавно стукнуло восемнадцать, не стала бы она топиться из-за своей несчастной любви, разочарования в идеале и осуждения толпы.

Невольно сравнила эту самую Рей с собой. У меня в анамнезе когда-то тоже значилось это первое и, как тогда казалось, взаимное чувство. Но, как говорится, чем печальнее первая влюбленность, чем она больнее, тем больше ценишь истинную любовь, не спутаешь ее со страстью или поклонением.

У Рей это была именно влюбленность, и с самого начала стало понятно, что безответная. Из описания ее кумира выходило, что этому Эрвину около двадцати семи, он красив, умен, имеет титул и деньги, а для полного счастья ему не хватало лишь одного – обручального браслета (над последним я мысленно хмыкнула). Увы, с девушкой не оказалось рядом никого, кто бы это ей объяснил, как в свое время мне мама, когда увидела дочь заплаканной. А надо-то было сесть, обнять и выслушать, ничего не говорить, просто быть рядом. Молчаливая поддержка порой действует лучше самых умных слов.

Когда в голове ума еще не поднакопилось, а давят со всех сторон, то самый простой выход – сбежать. Но если одни предпочитают вояж по миру, то другие – к праотцам.

Рей, не иначе из чувства: «Вот умру, и вы все будете плакать, я была хорошая, а вы не ценили», – решила воплотить в жизнь второй вариант.

Первый заход закончился неудачей: утонуть в пруду (а плавать, как оказалось, девица не умела, потому что ни разу в жизни не пробовала), воды в котором по плечо, было весьма проблематично, но Рей старалась. Даже камень на шею привязала, сгяя с мостков. Наглоталась знатно, до остановки дыхания. И встретила с костлявой в первый раз. Та, знамо дело, дала ей от ворот поворот. А еще в качестве комплимента от шеф-повара – пендаль для ускоренной реабилитации. То бишь зажили на недоутопленнице все ссадины как на собаке. И даже воспаления легких Рей не подхватила, хотя вода в пруду была – далеко до парного молока.

Потом на randevу с костлявой девица набивалась при помощи укуса ядовитого паука (как ей самой казалось). Мне же отекая гортань и пятна по всему телу больше напомнили описание симптомов анафилактического шока. А рисунок паука, крестовика-переростка, на одной из страниц дневника и вовсе уверил в правильности догадки. Портрет представителя членистоногих с печальной подписью «несостоявшийся убийца» занимал целый разворот.

Дальше по чистой случайности шла взбесившаяся под девушкой лошадь. Думается, что при третьей встрече костлявая поставила напротив Рей пометку «постоянный клиент». И вот сейчас петля...

Мне оставалось несколько страниц, когда в коридоре послышались голоса. Один – той самой ночной визитерши, второй – категоричное и неприязненное сопрано.

Едва успела спрятать дневник, как дверь отворилась.

– Уже пришла в себя? – бросила с порога сухая чопорная женщина. – Даже покончить с собой нормально не можешь!

Все в ее облике: и тонкие поджатые губы, и неестественно прямая осанка, и черная вуалетка (траурная?), и строгое платье в пол в стиле Марии Складовской-Кюри – меркло по сравнению с флюидами презрения, которые она излучала так же убийственно и беспрестанно, как кусок полония – бета-частицы.

– А вы, собственно, кто будете? – осведомилась я, старательно скрывая, что каждое слово для меня – как нож в горло.

– Как – кто? Твоя родная мать!

«С такой матушкой и врагов не надо», – успело промелькнуть в голове, прежде чем я услышала:

– И раз уж ты очнулась, собирайся. Отныне ты больше не будешь выставлять нашу семью на посмешище. Отец оплатил взнос, чтобы тебя приняли в обитель Святой мученицы Аззеллы как послушницу...

Из всего услышанного я поняла только одно: в секту не пойду! А как иначе назвать монастырь, где есть членский взнос?

Я не для того вела переговоры со Смертью, чтобы остаток жизни коротать в монастырских стенах. Опустила взгляд на одеяло. Если месть – дитя злости, а изворотливость – сестра жажды жизни, то сейчас в моей душе эти родственницы собрались на срочный семейный совет.

Мозг лихорадочно соображал. Притвориться, что лишилась чувств? Трюк бы сработал, но только не в лечебнице, где симулянтков раскрывают на раз. Сопrotивляться? Не факт, что я на ногах смогу устоять, не то что нокаутировать эту маман. А что, если... Лучшая ложь – полуправда.

Судя по тону этой «добросердечной» родительницы, она привыкла к беспрекословному подчинению. Такая если скажет: «Лети!» – разрешается лишь уточнить: «На какой высоте?»

– Да, конечно. – Я постаралась придать голосу как можно больше кротости и смирения, добавив: – Как скажете, маменька. – Последние слова выдавила из себя, как хирург – гной из фурункула: не жалея больного. Пусть горло жгло, главное, чтобы интонация не подкачала.

Правда, взгляда от одеяла все же не отрывала, боясь, что глаза могут выдать мои истинные, исключительно членовредительские чувства.

В хорошей постановке за репликой должно идти действие. Так, например, за восклицанием: «Бедный Йорик!» – лобзание черепа из папье-маше, после легендарного: «К нам едет ревизор!» – тараканы бега и уничтожение двойной бухгалтерии, в индийском фильме за ритуальной фразой: «Ты моя сестра, у тебя такая же родинка на щеке...» – танец всех со слоном, или на слоне, или вместо слона...

Я решила последовать заветам Станиславского, Эйзенштейна и Хичкока, посему медленно откинула одеяло и начала вставать, демонстрируя всем своим видом согласие с уготованной мне участью.

– Поживее! – поторопила маман.

А я, когда начала вставать, поняла, что все же сумею вытянуть роль обморочной барышни, может, даже на Оскар: перед глазами замельтешили черные точки, а голова натурально закружилась. Но упорство – мое второе имя. Правда, бабка Софа называла эту черту характера упертостью, когда со мной проще либо согласиться, либо пришибить. Я сделала еще шаг в лучших традициях осла, которому если что втемяшится в голову, то фиг перешибешь. Даже лопатой промеж ушей.

Зато перед взором стало уже совсем темно, и я полетела навстречу половицам, радостно поприветствовавшим меня гулким стуком.

Последнее, что услышала перед тем, как сознание окончательно померкло, была фраза родительницы: «Напоите ее тонизирующим зельем, чтобы не умерла по дороге».

Пришла в себя оттого, что меня тащили. Шустро и особо не церемонясь. С обеих сторон под мышки держали два дюжих то ли санитаров, то ли вышибалы, что иногда одно и то же.

– Ик! – приветственно выдала я.

На мне скрестились сразу два суровых взгляда.

– Молчу-молчу, – заверила я, пожимая плечами.

Хотя, когда тебя тащат на манер пропойцы, так что ноги волочатся по полу, это сделать весьма проблематично. О том, что я и сама уже в состоянии переставлять ходилки, не стоило и заикаться.

Может, этим архаровцам нравится тяжести вот так тягать? Тогда не буду лишать их возможности приятно провести время.

Я же с интересом туриста, впервые попавшего в Лувр, начала вертеть головой. Впереди маячила спина, как я понимаю, родительницы, бодро цокающей по гулкому коридору. Последний, к слову, достаточно широкий и не обшарпанный. Не чета моей «палате». На стенах красовались и парадные портреты солидных джентльменов в сюртуках, и камерные – в домашних шлафроках.

От созерцания одежды на картинах перешла к наряду собственному. Меня переодели. И, судя по всему, не родительница – она бы наверняка подавилась своим презрением и гордыней, натягивая на непутевую дочь платье. Скорее всего облачила меня та лекарка, которую я видела ночью.

Темно-зеленое поплиновое платье в мелкий рубчик с глухим воротом, застегнутое кое-как. По ощущениям, на мне сейчас наличествовали еще и пара юбок с панталонами. Башмаки так и норовили слететь с ног, а смоляная прядь, выбившаяся из косы, перекинута через мое правое плечо, постоянно падала на лоб.

Впереди показалась дверь. Маман решительно ее распахнула, и по глазам резанул яркий солнечный свет.

Мой почетный эскорт, не сбавляя шага, ринулся в проем, который был явно уже, чем эти два бугая вместе, что уж говорить о довеске в виде моей скромной персоны.

На мгновение я почувствовала себя в родной стихии переполненного метро в час пик, и вот меня уже грузят в экипаж. Учтиво, как воришку средней руки – в каталажку.

Следом в карету забралась родительница и крикнула:

– В обитель Святой Азazelлы!

– Энто в дом скорби, что ли? – уточнил возница прокуренным до печенок голосом.

– Если понял, что переспрашиваешь, дурень? – гаркнула маман.

– Дык того, уточнить, шоб, значит, накладочек не было.

– Пошевеливайся! – полетело из окошка чересчур дотошному местному «водителю».

Колеса закрипели, месяя дворовую грязь, а я поняла: вот он, мой единственный шанс.

– Чего смотришь на меня своими бесстыжими глазами?.. – только и успела сказать матушка.

Карету тряхнуло на очередной выбоине. Я полетела вперед, выставляя локоть. Сил у меня, недокоматозницы, было не больше, чем у кутенка, зато острый локоть, помноженный на массу тела и толчок от ухаба, сделал свое дело. Маман подавилась криком и засипела, ощущая все прелести удущья.

Когда мы учились в школе, нам повезло с обэжешником. А вот ему с нами – не очень. Класс, в котором двадцать три девчонки и четыре пацана. А учитель – человек военный, хоть и в отставке. Ему нам про самооборону вещать, про поведение с террористом, про то, как вести душевные беседы с маньяком, реши тот напасть, про первую помощь. А мы – двадцать три языкатые заразы. На одном из уроков, помню, плюнул он и в сердцах сказанул со своим дивным украинским акцентом: «Если вас хотят изнасиловать – спросите, возьмет ли этот злыдень писюкавый вас после сделанного в жинки. Насчет намерений – не факт, что передумает, но

пара секунд форы, пока он соображает, у вас будет». На вопрос, а как же приемы самообороны, военрук заявил, что самая лучшая женская самооборона – это быстрые и длинные ноги, которыми надо шустро передвигать в противоположном от нападающего направлении. Но все же под конец урока он тогда расщедрился на демонстрацию: захват кисти и залом под углом. То, что могла при определенной удаче повторить любая из школьниц, наберись она смелости.

Помнится, мы тогда смеялись над Пашкой, который после внедрения одноклассницей Любкой теоретических знаний в жизнь стоял враскоряку, оттопырив руку и краснея. До сего момента этот эпизод мне казался забавным кадром из давнего школьного прошлого. Но вот сейчас я подошла к заплесневевшим знаниям с серьезностью Шлимана, раскопавшего-таки одну из стен Трои. А еще – с верой, что все должно получиться.

Обхватила рукой большой палец маман, резко дернула и выгнула назад.

Глаза противницы округлились, зрачки моментально расширились от боли, но крикнуть она не могла: не позволяло сдавленное горло.

Усилила натиск, наблюдая, как лицо напротив из пунцового становится бледным, а потом и вовсе чуть синеватым.

Убрала локоть и освободившейся рукой стянула со своего платья пояс. Кисть из захвата так и не выпустила, справедливо опасаясь, что пока лишь завеса боли не дает родительнице сопротивляться.

Когда вязала узел, стягивая запястья, мои руки ощутимо дрожали. А ведь нужен еще и кляп. Эта полуобморочная скоро оклемается и заголосит на всю карету.

Взгляд зашарил по экипажу, моему платью и одежде матушки в поисках подходящей затычки.

Кружева на шикарном съемном воротнике было жаль: искусная работа. Тонкое, невесомое плетение поражало своей красотой и мастерством рукодельницы, что его плела. Судя по телодвижениям пришедшей в себя маман, ей тоже не понравилось то, что столь изящную вещицу ее туалета использовали по весьма интригующему воображение любителя БДСМ назначению.

Она отчаянно мычала, выражая протест. Но свое время родительница безвозвратно упустила. Оттого ей оставалось жевать кружево, которое было в этом качестве еще и весьма питательным: крахмала прачки не пожалели.

Со связанными руками теперь уже она зыркала на меня злобным взглядом. Я же заприметила холщовую котомку, которая скромно притулилась под скамейкой. То, что надо!

Когда карета остановилась у ворот, я уже была готова. Решительно распахнула дверцу, не дожидаясь возникшего, едва увидев, что к экипажу спешит дородная дама в балахоне.

Я лишь склонила голову в знак приветствия, стараясь подражать чопорной леди.

– Лесса Ония! Я так рада, что вы все же решили поместить свою дочь в нашу обитель. Возможно, разум ее уже не спасти, но за душу девушки мы обещаем бороться... – Толстуха скрестила руки на груди, что, наверное, должно было символизировать светлые помыслы и альтруизм по отношению к ближнему.

Я же лишь криво усмехнулась про себя: неприкрытая паточка лести и то легче усваивается.

Тем временем то ли монахиня, то ли привратница местной дурки пыталась рассмотреть меня через вуалетку. Предусмотрительно поднятый воротник закрывал нижнюю часть моего лица...

– А... – начала было она.

Я бесцеремонно перебила, памятуя, что проще всего избежать неудобных вопросов, взяв инициативу на себя:

– У вас есть кто-нибудь, кто смог бы забрать мою дочь? Она упорствовала во грехе, оттого сейчас не совсем способна сама идти.

– Конечно-конечно, – засуетилась сутанница, оборачиваясь и взмахом руки подзывая помощника.

Из глубины двора к нам тут же двинулся мужик. «Все-таки не монастырь, а нечто среднее между богадельней и дурдомом, только с духовниками вместо аниматоров», – определила для себя. Открыв настежь дверцу кареты, я жестом указала на матушку. Ныне на ней красовалось мое платье, руки все так же были связаны, а на голове значился тот самый холщовый мешок. «Кавказская пленница» мычала, извивалась и норовила лягнуть наугад. Но мужик, похоже, видывал и не такое: вскинул ношу на плечо и без слов пошел обратно.

По тому, как заулыбалась толстуха, поняла, что за «швейцара» тут принято платить отдельно. Потянулась к поясному кошелю. Специально выгребла оттуда все золото и серебро еще перед тем, как приехали. Демонстративно отцепила мешочек с туго стянутой горловиной (зубами затягивала, чтобы сразу не открыть) и подала сестре божественного милосердия.

Та рассыпалась в заверениях, что с моей кровиночкой ничего не случится, она обязательно образумится и поправится. Я же села в карету и бросила кучеру: «На пристань», в последний момент вспомнив: Рей в дневнике писала, что именно туда она с подругами сбегала встречать отряд зачистки. Сейчас я была в замешательстве: морем тут и не пахло, но кто же этот мир знает?

Зато я обладала иным сакральным знанием: подлог скоро обнаружится и начнется погоня.

Экипаж набирал скорость, а душу царапнуло: неужели мать может так относиться к собственной дочери? Может, все же эта ее надменность и желание уязвить – своего рода провокация? Защитная реакция для оправдания себя перед самой собой?

Чтобы дочь ответила резкостью на ее резкость, проявила себя «неудобным и неуправляемым ребенком, которому одна дорога – к специалистам». Тогда бы, вздумай Рей взбунтоваться, она, матушка, уже не ощущала бы вины за то, что решила упрятать дочурку в богадельню.

Но, так или иначе, теперь это уже не мое дело. Мое – гораздо более прозаичное и насущное – процесс удирания.

Дом скорби, как и всякое приличное заведение такого толка, находился за городской чертой. Пока мы ехали сюда, мне было слегка не до любования пейзажем за окном. А вот сейчас, отодвинув шторку, я могла наблюдать, как чахлые деревца, навевающие мысль о болотах, сменяются перелесками, а потом и вовсе полями. И наконец появился город. Точнее, городок. Сначала ветхие лачуги, окольцевавшие более богатый центральный район, подобно ассасинам, измором бравшим Иерусалим. За домами бедноты на холмах виднелись вычурные крыши всех возможных цветов. Парочка даже блестела не хуже церковных куполов, что покрывают сусальным золотом. Но больше всего меня поразило не это: да, морем в той дыре, куда меня занесло, и не пахло (во всех смыслах этого слова), но пирс был. И находился он на самой высокой точке. К нему только что причалил дирижабль. Лопастей здоровенной махины все замедляли ход, готовясь к швартовке.

Неровно сглотнула: в свете пережитого я начала слегка побаиваться высоты. Но оказаться в дурке боялась еще больше. Оттого из городишка, где мою предшественницу довели до самоубийства, надо было делать ноги, а то я их ненароком с такими родственничками протяну.

За окном гомон босоногой детворы с порепанными пятками перемежался с криками луженых глоток, глухими ударами и женской базарной трескотней.

Вокзал – он везде вокзал. Что железнодорожный, что водный, что вот такой вот – воздушный. Едва вышла из кареты, как меня поглотила суета, ввинчиваясь в мозг воплями, проникая в ноздри диким смешением запахов пряностей и нечистот, толкая под локоть спешащими пассажирами.

Да, городок оказался небольшой, скорее разросшаяся слободка, где многие знают друг друга в лицо, но не по имени. Насколько я успела понять, главной, а может, и единственной

его достопримечательностью был вот этот вот порт. Он же и базарная площадь, и место казни, если судить по виселице, что расположилась в одном из углов. Последняя в лучших традициях гранд-дамы, для которой выйти в свет без ювелирных изысков – моветон, гордо демонстрировала в качестве драгоценной подвески висельника. Увы, плебс украшением не впечатлился, в отличие от воронья, с энтузиазмом дегустировавшего «шведский стол».

Кучер, спустившийся с козел, чтобы помочь, как он думал, своей госпоже, устался на меня с выражением энтомолога, которому в сачок попал птеродактиль. По роли мне следовало бы гаркнуть: «Чего вылупился?» – или что там должна вещать госпожа прислуге? Но груз воспитаний, да и банальная разница в возрасте (как-никак возница оказался старше меня едва ли не втрое), претили такому обращению. Оттого я лишь поджала губы, крепче вцепившись в узелок, что был у меня в руках, и зашагала мимо застывшего соляной статуей кучера.

Все пожитки, которые удалось выудить из того холщового мешка, что украсил голову матушки, поместились в этот небольшой куль: батистовая сорочка, расческа, пара лент для волос, панталоны и чулки. У самой родительницы удалось разжиться звонкой монетой, которую я, памятуя о ловкости воришек во все времена, положила не в ручную кладь, а в самое надежное из хранилищ, личный сейф, так сказать. Оставила лишь пару медяков в узелке.

Идя к пирсу, больше всего сожалела о дневнике: он был если не окном, то хотя бы форточкой, через которую можно изучить этот мир. А так... я даже толком не представляла, как купить билет на этот самый дирижабль: то ли у капитана, то ли здесь есть что-то вроде кассы.

Сыграть в иностранку, чтобы узнать побольше, не получилось бы по двум причинам: во-первых, меня тут вполне могли узнать, а во-вторых, я просто не представляла, как выглядят здешние «иноземцы». Оставался один выход – изображать потомственную клиническую идиотку. А что, после череды неудачных суицидов – самое то. Вот только, играя роль глупышки, нужно мыслить, как Мата Хари: все запоминать, анализировать и мгновенно реагировать, ибо у всякой дурости должны быть разумные границы, иначе образ становится недостоверным.

Оттого я беззастенчиво глазела по сторонам, прислушивалась к обрывкам разговоров. Наблюдала. Однако мой желудок, в отличие от хозяйки, на роль шпики не подписывался, все громче заявляя о недовольстве диктатурой мозгов над телом, и продвигал свою политическую программу. Суть ее тезисов была проста: жрать! И побольше. Урчание желудка могло посоперничать с брачной серенадой вурдалака, но я крепилась. Крепилась ровно до того момента, пока мимо не продефилировала разносчица с лотком сдобы. То бишь ровно пять минут моей шпионской деятельности.

Тетка, опрятная и честная (пирожки свежие и реанимированные у нее лежали на разных концах лотка и по разной же цене: вчерашние – по медьке, сегодняшние – по две), попалась словоохотливая. Правда, до звона в ушах шумная.

Получив от меня две медные монетки, она на мою полушутку, что такой хорошей сдобой непременно торговать нужно не только в здешнем городе, но и в соседних, рассмеялась.

– А что – махины-то вон, рядом! – Я махнула рукой, показывая на один из дирижаблей. Не знаю, как они тут точно называются. Ляпну что-нибудь не то, и выкручивайся потом. А механическая монстра – это всем и понятно, и суть отображает. Здесь главное – интонация. Игривая, словно старую байку трaviшь. – Вozить-то можно...

– Ну и шутница, но на добром слове спасибо, – выдавила из себя торговка, от смеха хлопая по груди пухлой рукой. – У лоточницы Эйзы и правда пирожки вкусные, все знают, но в соседней Алерте по цельному серебру за них платить никто не будет.

На мое удивленное «по серебрушке?» дородная тетушка пояснила, что капитаны-то и по десять злотней за провоз содрать могут, если до имперской столицы.

На том и расстались: я – жуя пирожок и думая о местных тарифах на провоз, она – довольная похвалой.

Хороший бухгалтер может найти недостачу даже в запятой и сделать так, чтобы бюджет был лично ему должен. Я, увы, пока таких высот не достигла, но из короткого диалога сделала несколько выводов. Во-первых, договариваться о проезде надо непосредственно с капитаном. Во-вторых, суммы, которой я располагала, надолго не хватит.

– Па-а-абергись! – прозвучало откуда-то сбоку.

Крик тут же потонул в грохоте. Я успела повернуть голову и заметить, как канат, что держал бочки, лопнул, и они одна за другой покатались по сходням.

Боясь оказаться на их пути, отскочила в сторону. Вовремя. Одна из беглянок чуть отбилась от товаров и поперла ровно на то место, где я только что стояла.

Пока я осознала, что по мне едва не прошелся аналог катка, меня в бок резко толкнули, а потом из рук дернули узелок. Опешив в первое мгновение, я выпустила свою поклажу, к которой тут же приделали ноги. Две такие шустрые голые ноги оборванца, тут же скрывшегося в толпе.

«Ворье мелкое!» – подумалось со смесью злости и удивления. Наверняка решили, что у меня в узелке и остальные деньги, раз оттуда медьки доставала, чтобы расплатиться с лоточницей. А потом истерично хихикнула, представив лица щипачей, добыча которых – панталоны. Отряхнула ладони, одернула юбку, что чуть задралась, обнажив шнурованные сапожки. Их, к слову, я также позаимствовала у матушки взамен расхлябанных башмаков. И пошла наугад к одному из четырех пришвартованных дирижаблей.

Из разговоров у причала уяснила, что ближайшая махина отбывает пополудни.

Судя по тому что солнце ощутимо припекало макушку, – это совсем скоро. Вот только как договориться, чтобы меня взяли на борт?

Оглядела матросов, как я окрестила про себя рабочих, что сновали с палубы и обратно, и заметила троих мужчин, одетых приличнее остальных. Не мудрствуя, решила подняться по трапу, но едва ступила, меня тут же остановил прокуренный голос:

– Куда надо, красавица?

Обернулась. Рядом стоял коренастый мужичок мне по плечо. Чубук во рту, окладистая борода, молот, притороченный к поясу. И взгляд с хитрым прищуром, как у потомственного маркетолога. Когда только незаметно подойти успел?

Глава 2

– А куда вы идете? – Вопросом на вопрос отвечать невежливо, зато удобно.

– На юг, в Эйссу, – сказал, прикрикнув, собеседник.

Да он и сам чем-то напоминал селезня, упитанного и матерого.

– Ну, значит, и мне туда. Сколько за провоз возьмете? – не стала этикетничать и разводить турысы на колесах, а перешла сразу к сути.

– Про это не со мной толковать надобно. – Мужичок приосанился и добавил: – Я хоть и старпом, но кого брать, а кого нет, решает капитан. – Вынув трубку изо рта, он указал ею на палубу.

Там рядом с орудийным портом стоял мужчина. Высокий, стройный, с короткой светлой косой и одетый с иголки, словно лорд на променаде. Парчовый камзол, застегнутый на все пуговицы, неестественно прямая спина, надменное выражение лица – зануда и педант, одним словом.

– Ну, значит, мне к нему, – подвела я итог.

– Мы вообще-то грузовое судно... – полетело мне в спину.

Но меня такая мелочь не остановила.

Подходя к капитану, стоявшему ко мне вполоборота, я все более сомневалась. Еще издали он мне показался странным, но я списала это на обман зрения. Но нет. У этого блондина уши и вправду были длинные и заостренные, а кожа – едва ли не алебастровой. И это притом, что все матросы выглядели как заядлые посетители солярия. Да и пропорции слишком изящны для мужчины. Такие только у дистрофичных топ-моделей и встречаются...

Я кашлянула, привлекая внимание, и поздоровалась:

– День добрый!

Ноль эмоций. Капитан как уткнул свой флюгер, разглядывая площадную суету, так и не повернулся ко мне. Нос у него, к слову, тоже выдающийся: прямой, чуть заостренный...

Я решила, что кашлять и дальше, изображая первую стадию туберкулеза, бессмысленно. Наушников от плеера у этого капитана в его острых локаторах нет, да и глухотой-немотой он вроде страдать не должен (а как команды-то матросам отдавать?).

Замороженность, а вернее, отмороженность капитана встретила с еврейским терпением и русским упорством. Бабушка Софа всегда говаривала: «Ирочка, когда у тебя с первого раза что-то не получается, вспомни Моисея: он сорок лет водил народ Израилев по пустыне. И таки нашел Землю обетованную». Правда, после этого она добавляла: «А если бы еще и не кружил по пескам, а шагал напрямиком в Сибирь, то мы бы сейчас были не только самой умной, но и самой богатой нацией! Подумать только, за сорок лет скитаний выбрать единственное место на Аравийском полуострове, где нет нефти!»

Вот и я, не обделенная главными чертами ишака, начала молча разглядывать капитана. И мысли отчего-то в голове гуляли исключительно с пометкой «восемнадцать плюс». Нет, не эротического содержания и не членовредительского. Но, рассматривая тонкие запястья этого мужчины, перстни на его пальцах, аккуратные белоснежные манжеты, гладко выбритый подбородок и прическу, в которой волосок лежал к волоску, я все более убеждалась, что передо мной гей. Нет, не тот жеманный мальчик, тянущий слова, которого принято изображать, а заправдашний. У меня одноклассник Алекс был таким, из любителей небесной синевы. Так вот: ничто в нем не выдавало гея. Ни манера говорить, ни «бабские замашки» наподобие призывного виляния бедрами или жеманства – ничего этого не было. А вот ухаживал он за собой с тщательностью. Особенно за руками: кутикула всегда подстрижена, бесцветный лак. Опять же всегда гладко выбритый, одежда в тон, стильная.

Вот и сейчас, увидев подобное, я непроизвольно провела параллели. Подумалось, а какой у него должен быть друг? Воображение отчего-то нарисовало картину, как капитан и Алекс идут под ручку и мило беседуют. Об устройстве инжекторного двигателя, например. И тут руки капитана резко сжались, он развернулся ко мне и, поджав губы, произнес:

– Даже думать об этом не смейте!

– О чем? – Я решила, что блондин говорит о том, что не возьмет меня к себе на дирижабль.

На всякий случай невинно захлопала глазками и придала лицу выражение раскаяния: а-ля кот из «Шрека». Умыкнутого узелочка для достоверности картины не хватало. Он бы замечательно смотрелся, поднесенный к моей груди. Оттого я просто начала заламывать руки, надеясь, что это сойдет за крайнюю степень смятения, а не за попытку самостоятельно вывихнуть пальцы.

– О вашей бурной фантазии, юная барышня. Чтобы вы знали, я не мужеложец...

И тут до меня, как Интернет до папуаса, начало доходить: этот топмоделистый что, мысли читает?

– Да, читаю, чаще всего спрашивая позволения, – подтвердил капитан. – Но вы думаете слишком громко. И неприлично.

А я враз ощутила, как у меня под кожей начали шевелиться жуки. Противные, ввинчивающиеся в мозг, зудящие до такой степени, что хотелось выдрать волосы, расковырять кожу и достать их.

– Прекратите! – не выдержала я.

– Вы доставили мне неприятные минуты, теперь я – вам, – отчеканил капитан.

С языка не сорвалось, но подумалось весьма заковыристое ругательство. Из тех, что порой доносились из ремонтной ямы в папином гараже, когда отец чинил машину и думал, что его никто не слышит.

Губы капитана скривились, и он процедил:

– Всегда считал, что у людей невелико различие между портовой девкой и высокородной леди. И в этой истине убеждаюсь вновь и вновь...

– Как будто сам не человек, – выплюнула я.

Собеседник натурально оскорбился:

– Посчитать меня человеком? Чистокровного эльфа?

Видимо, копать в моей голове он только начал, а иначе бы понял, что перед ним стоит весьма занятный экземпляр с воспоминаниями не из этого мира.

– Эльф – не эльф, а вторгаться в приватность, – вспомнила я мудреное выражение начала прошлого века, – и читать чужие мысли без позволения – все равно что лазить по помойке и обижаться, что там отбросы, а не изысканные яства.

Я уже понимала, что на этом дирижабле мне не лететь, так хоть душу отведу. Словно вторя моим мыслям (хотя почему «словно»? – наверняка именно на них и отвечая) белокрысы выплюнул:

– У меня лишних мест нет.

Я же, не думая, ляпнула наугад:

– А лицензия на телепатию, значит, есть? – Хотела лишь уязвить, но по тому, как на долю секунды поджались губы эльфуса, как он скривился, поняла: попала в яблочко.

Напевать про себя песенку: «Тот, кто ел арбуз, чуть быстрее играет блюз», одновременно шантажируя капитана, оказалось не легче, чем лечить язву алкоголем. Теоретически – нельзя, но практически – можно, хотя и очень болезненно. Но это форменное издевательство над мозгами (как моими, так и эльфячьими) дало свои плоды. Мы сошлись на том, что я молчу про то, что этот «чистокровный» копался у меня в голове без разрешения, а он берет меня в качестве

пассажирки. Правда, ушастый требовал уплату за провоз. Десять золотых. Вперед. И протянул руку.

Я в недоумении уставилась на раскрытую ладонь.

– Просто пожми руку, и мы скрепим стандартной клятвой договор, – процедил он.

Я подчинилась. А что такого? Мне слов не жалко. Они не кровно заработанные бумажки с Ярославлем, чтобы тратить их с сожалением.

Клятва чем-то напомнила мне договор купли-продажи: стандартная, длинная и занудная речь о том, что капитан Рихейнэль берет на себя роль перевозчика, второй обязуется оплатить услугу и прочая. Даже форс-мажор был указан: если попадем в шторм и разобьемся, то, гражданин пассажир, не обессудьте. Вот только когда запястье обожгло огненной змейкой, поняла: одними словами здесь, в этом мире, не ограничиваются.

Я рассматривала руку, на которой мгновение назад вспыхнуло кольцо огня, а эльф буравил меня взглядом. Разрозненные слова в моей голове не желали связываться в мысли, а предложения ломались как трехдневная маца. Наверное, оттого ушастый сказал прямо:

– Нужно заплатить. Десять золотых. – И уставился так с интересом: откуда я их буду доставать.

Я очнулась от медитации на запястье и воровато огляделась. Деньги у меня были, вот только доставать их...

– А можно я с вами расплачусь в каюте? – Я кивнула на приоткрытую дверь.

Эльф же от такого закашлялся.

– Нет, – отрезал он, придя в себя. – Либо платите здесь и сейчас, либо наше соглашение теряет силу, но вы все равно молчите.

– Здесь так здесь, – обреченно протянула я и задрала подол до колена.

На капитанское возмущенное: «Что вы себе позволяете?» – я лишь фыркнула и начала споро расшнуровывать сапог. Матросня глазела на нас со все более возрастающим интересом.

Эльф же, судя по его виду, был близок к тому, чтобы просто вышвырнуть меня с дирижабля, когда я достала из голенища десяток золотых и протянула ушастому. Рахель, как я мысленно сократила имя капитана, не отшатнулся от денег, имевших чуть специфический душок. Лишь едва скривился и жестом подозвал одного из матросов:

– Гримо, проводи госпожу во вторую каюту на нижней палубе.

Сам же капитан развернулся ко мне спиной, всем своим видом показывая, что разговор окончен. «Не больно-то и хотелось», – подумала я. Когда уже уходила, вслед мне полетело:

– Надеюсь, что за время полета мы с вами будем видеться как можно реже.

– Всенепременно, – процедила я сквозь зубы.

Вопросов становилось все больше и больше, но как найти на них ответы? Я уже спускалась, когда до слуха с палубы донеслось: «К вам на дирижабль поднималась девушка. Где она?» Голос был знакомым. Матушка. Быстро же она...

Резко развернулась на каблуках. Кровь застучала в ушах, словно мне со всей дури всадили в ягодицу шприц с адреналином, а потом для верности приласкали включенным электрошокером.

Плюнув на матроса, который, не оборачиваясь, все так же шагал впереди, я крадучись направилась к лестнице.

Выглянула, как из окопа. Вид разбитых ботинок, подола знакомого платья и сапог, в которые были заправлены зеленые мужицкие портки, наводил на мысль, что матушка, как истинная ведьма в душе, быстро сумела найти общий язык с духовенством. Ибо на кострах в эпоху инквизиции чаще всего сжигали просто красивых девушек, оклеветанных отвергнутым парнем или завистницей-соседкой. Настоящие злодейки, как та же леди Винтер, оказывались достаточно умны, чтобы прикрыться словом Божьим.

Вот и моя матушка умудрилась примчаться из обители в рекордные сроки. Причем не одна, а с силовой поддержкой в виде детинушки-санитара. Небось еще и пообещала звонкую монету и за помощь, и за срочность.

От эльфуса мне тоже были видны одни сапоги. Внушительные такие, с бронзовой вычурной пряжкой, добротные. Расставленные на ширину плеч, они свидетельствовали о привычке их носителя упреждать коварство качки и сохранять равновесие.

– Вы обязаны ее выдать! – Голос, ввинчивающийся в уши визгливыми нотками, все набирал силу.

Ответ капитана волнорезом рассек шквал дамских эмоций:

– Это торговый дирижабль. Не в моих правилах брать пассажиров. – Слова, подобные ледяной крошке, которую высыпали за шиворот, заставили поперхнуться матушку очередным «должны».

– Но... – начала было она, когда эльфус ее бесцеремонно перебил:

– Я все сказал. И требовать на моем дирижабле вы ничего не можете.

– Я-то нет, – не сдавалась маман, которую моя рокировка довела до белого каления настолько, что она, судя по ее настрою, готова была самолично меня удушить. Причем не в метафорическом смысле. – Но со мной тот, кто осенен дланью святой Азazelлы!

Для меня хоть осененный дланью, хоть ею пришибленный – все было едино: не разбиралась я в местных уровнях власти. Но со слов родительницы выходило, что это не просто медбратик, а что-то вроде представителя закона.

– Что ж, тогда вам должно быть известно, что маги не подчиняются дланникам, будь они хоть из обители святых, хоть правой рукой самой десницы Пресветлой.

Послышалось шуршание парчи: то ли эльф доставал что-то из камзола, то ли его распаивал.

– У меня лишь один вопрос. Та девушка, которую вы преследуете, она убийца или воровка? – В голове слышалась явственная насмешка, словно говоривший знал ответ.

Хотя, может, и знал: в мозгах-то он у меня пошарил.

– Нет. Но она помешанная... – начала гнуть свою линию родительница.

Эльф хмыкнул:

– Если бы всех ненормальных заключали под замки, то свободных людей не осталось бы, поскольку быть нормальными, усредненными по всем параметрам, а значит, абсолютно одинаковыми – не в людской природе...

Не иначе остроухого потянуло на философствования? Хотя сейчас он определенно более походил на классический образчик эльфа, чем когда мы общались тет-а-тет. Тогда капитан произвел на меня впечатление обычного надменного засранца. Впрочем, с весьма деловым подходом.

Ноги в зеленых штанах начали переминаясь, словно их обладатель понял: здесь ему дали от ворот поворот. Зато башмак гулко ударил стоптанным каблуком о палубу:

– Я просто так не уйду отсюда! И не имеет значения, что вы маг и капитан корабля. Важнее то, что вы нелюдь и находитесь на территории империи, а значит, должны подчиняться нашим законам и длан...

Капитан опять невежливо ее перебил, не оправдав гордого звания пресветлого.

– В первую очередь я маг, – отчеканил он.

Ого! Судя по его тону, матушка затронула болезную тему. И если раньше, как я полагала, капитана держали слова нашего договора, то вот сейчас, по его этому «я маг», стало очевидно: разыграли личные обиды.

Из последовавшей реплики поняла, что угадала.

– Даже если она и у меня, – нарочно решил потравить маман эльф, а заодно – пощекотать мне нервы, – я нахожусь не на территории империи, а лишь в ее воздушном пространстве,

оттого мои матросы просто могут выкинуть вас за борт как воров, что тайком пробрались в частные владения...

Если до этих слов я испытывала к эльфу что-то сродни благодарности, то теперь все испарилось, как лужа воды в пустыне Гоби: быстро и безвозвратно.

Закусила губу в ожидании словесного выпада родительницы, и тут между мной и процессом подслушивания, как обком между двумя синагогами, вклинился матрос. Он дернул меня за плечо, разворачивая.

– Лесса решила остаться? – насмешливо пробасил он, прекрасно понимая, что я грела уши.

– Госпожа зацепилась подолом и боялась его порвать, – в тон ответила я, пытаюсь незаметно насадить юбку на торчавший из стены гвоздь.

Удалось в самый последний момент.

Матрос лишь понимающе хмыкнул, но сделал вид, что поверил.

Пришлось имитировать, что я усиленно отцепляю ткань от шляпки гвоздя, под хитрый прищур.

Тем временем страсти на палубе накалялись. Маман уже перешла на визг, голос эльфа, напротив, казался не теплее космического вакуума.

Тем неожиданнее прозвучал его окрик:

– Отдать швартовые!

И более приглушенное:

– Мы отчаливаем. Вам как посторонним нужно покинуть корабль, в противном случае – за бортом не вода, а земная твердь...

Каблуки застучали по направлению к сходням, а я выдохнула и уже со спокойной совестью направилась за провожатым.

Когда мы наконец добрались до каюты, он распахнул дверь и звонко хлопнул в ладоши. Под потолком что-то вспыхнуло, озаряя помещение зеленоватым светом. У притолоки завис то ли магический аналог лампочки, то ли шаровая молния в миниатюре.

Чертыхнувшись про себя, искренне понадеялась, что меня не шандарахнет разрядом.

Кюта на нижней палубе была обставлена в лучших традициях ультраминимализма монашеского скита: кровать и стул. Может, смелая дизайнерская мысль и вписала бы сюда еще нишу и стол, но прибавить мебель к потолку – до такого креатива тут пока не додумались. Традиционный же, напольный способ крепления был проблематичен по одной простой причине: отсутствие места. Вот в таких вот застенках два на полтора метра мне предстояло провести васаби знает сколько дней. Надеюсь, что хоть еда входит в оплату проезда.

Пол под ногами качнулся, и матрос, хмыкнув насмешливо: «Располагайтесь, госпожа», почел за лучшее удалиться.

Я еще постояла чуток, чувствуя себя пресловутым Ванькой-встанькой, что пытается сохранить вертикальное положение даже при немыслимом угле наклона, а потом плюнула на это гиблое дело и легла на узкую койку. Взгляд остановился на стене.

Бок кольнуло. Машинально нащупала рукой то, что упиралось в подреберье. Застежка ремня. Посчитав это намеком судьбы, решила пристегнуться и сделать то, что так настоятельно советовал организм, – поспать.

В объятия Морфея ухнула, как в открытый люк. Жаль, что в программе полета бонусом значились сновидения. Сумбурные, обрывочные, перемешанные. Словно эпизоды из двух жизней взбили блендером.

Выходные на даче с родителями. Шашлыки, веселый смех. И тут же – я сижу за попитром в странной одежде и открываю тетрадь, на которой вязью рун значится «эктра Рейнара Эрлис». У соседки по парте точно такая же тетрадь, но подписанная «грефис Миняя Нирабли».

И откуда-то приходит чувство, что хотя мы с соседкой обе благородные, но я всего лишь эктра, а Мина – грефис. И тут попитр качнулся, а потом и вовсе совершил кульбит.

Меня ощутимо трянуло, отчего я проснулась. Из головы сразу же вылетели все эти титулы – а во сне я была уверена, что речь идет именно о них. Ремень врезался в грудь до синяков, но не будь его, я бы стала «счастливой» обладательницей гематом на другом, гораздо более ценном, думательном органе.

Все усиливающаяся качка, которая целенаправленно стремилась к почетному титулу «болтанки», подстегнула инстинкт «бежать и спастись». У меня были не столь крепкие нервы, чтобы ждать в каюте, больше всего напоминавшей комфортабельный гроб, когда мы разобьемся. Отстегнула ремень и на карачках поползла к двери. Благо недалеко.

Коридор преодолела таким же макаром. Впереди маячила моя личная Голгофа – узкая лестница на верхнюю палубу. Перебирая конечностями на манер полугодовалого младенца, начала подъем.

Зря я затеяла свой крестовый поход. Морской шторм по сравнению с небесным – все равно что листок супротив гусеницы. Гусеницы от Т-34.

Дирижабль кидало из стороны в сторону, по палубе колотил ливень. Молнии, по ощущениям, имели зуб на летающую махину, что вторглась в их вотчину.

Матросы, привязанные веревками к борту, старательно выворачивали рулевые лопасти, бородач, которого я повстречала у трапа, вцепился руками в штурвал, а эльф... Он стоял посреди палубы, вскинув руки. Из его ладоней вырывались ослепительно-синие лучи, опутывая полотнище баллона аэростата.

Задрала голову, провожая взглядом сияние, и поразилась. Казалось, что наверху, во мгле, лучи расходятся сетью, под которой бились, словно здоровенные рыбины, пойманные в силки... духи? Гигантские полупрозрачные зеленоватые тела фосфоресцировали. Их эфемерные лица были искажены злобой и ненавистью. Сейчас духи больше всего походили на рабов: заарканенные, вынужденные подчиниться воле хозяина, но не сломленные.

И тут во вспышке молнии я увидела ее.

Смерть на манер ведьмы оседлала косу и летела на ней, маневрируя меж порывами ветра не хуже байкера на трассе.

Приземлившись на палубу, костлявая деловито поводила капюшоном из стороны в сторону. Удивительным было то, что на гостью никто не обратил внимания. Наверное, просто все озадачились иным животрепещущим вопросом: спасением собственных шкур.

– Ик! – выдала я, оставившись на новую пассажирку дирижабля.

Она повернулась ко мне, и тут я поняла еще одну вещь. Передо мной стояла не моя Смерть. В смысле – незнакомая. У этой на косовице были вырезаны змеи, оплетавшие древко. Да и сам балахончик... Более стильный, что ли. Нет, дизайн «мешок с капюшоном, подпоясанный» – это святая классика жанра, как маленькое черное платье Коко Шанель. Но если у первой моей Смерти ткань на вид казалась простой, то у этой – с тиснением и блестящими нитями. Не иначе модница? Как видно, и Смерти гламур не чужд.

Костлявая, словно почувствовав мой взгляд, обернулась.

– И что смотришь? – недовольно бросила она. – Подумаешь, прибыла чуть раньше срока. Сама видишь, погода нелетная. Чуть запоздаешь – души потом собирай.

– К-к-к-какие души? – заикаясь, уточнила я.

Смерть, фыркнув, перекинула косу из руки в руку.

– А то ты не чувствуешь разве? А еще некромантка... – прозвучало презрительное. – Сейчас веревка лопнет, и двое за борт упасть должны. Все по расписанию.

И правда, вторя ее словам, сквозь грохот грома послышался крик. Мимо меня хвостом спешно драпающей гадюки промелькнула веревка.

Я поступила в лучших традициях идиотки, ибо героизм – это продуманный шаг, когда совершающий подвиг осознаёт, что он делает, а не хватание конца пенькового каната на рефлексах. О чем я тогда думала?

Меня тут же приложило о доски, и я заскользила следом за двумя «ласточками», что уже весело чирикали на одной ноте за бортом.

Дирижабль покачнулся, Смерть матюгнулась, я заорала. Надолго меня не хватит, пара секунд – в лучшем случае. А потом либо я отпущу веревку, либо мое пребывание на этом свете окажется весьма недолгим.

Эльф, на мгновение отвлекшись от созерцания энергетической сети, перевел на меня свой остекленевший взгляд.

Пасс, и словно невидимая рука ухватила за канат, вытягивая выпаданцев. Мужики, не веря своему счастью, уставились на меня, все еще судорожно сжимавшую веревку.

Смерть же, увы, оказалась более экспрессивной дамой.

– Как. Ты. Посмела. Мне. Мешать.

После такого заявления сразу захотелось спрятаться куда-то подальше. И правда. Чего это я?

– Мадам Смерть, я нечаянно, – начала в свое оправдание, не зная точно, как обратиться к этой балахонистой фурии с косой.

Сама же тем временем выпустила из рук конец каната и споро начала осваивать метод передвижения «задний ход на карачках». Судя по всему, надо было все же сказать «мадемуазель»: Смерть рассвирепела окончательно. Я ускорила.

Процесс отступления проходил относительно гладко ровно до того момента, пока я, елозя коленками по мокрому настилу, не уперлась задом во что-то. Вернее, в кого-то.

– Мне нужны две души. И я их заберу! – рявкнула Смерть. – Или, может, сама хочешь пойти вместо них?

У меня в анамнезе упокоения и так значилась подделка служебных документов сотрудницей фирмы «Аид и Ко», так что я решила внести конструктивное предложение:

– А может, я все исправлю? Спихну их обратно и пусть летят? В смысле умирают... Я все понимаю: квартальная отчетность, дебет с кредитом должны сходиться и приход есть приход, незачем смету портить...

Смерть с занесенной косой остановилась. Зато к нашей милой девичьей беседе проявил интерес эльф, крикнув:

– Заприте эту сумасшедшую в каюте. Она бредит!

– Не брежу, – простонала я, задом тихонечко обползая капитана. Хоть его ходилки и не каменная стена, но какое-никакое прикрытие.

Смерть, видя мои маневры, лишь уничижительно фыркнула и, опустив косу, ехидно поддела:

– Уговорила. Давай выкидывай моих субчиков за борт. А я на это посмотрю.

Я же представила, как упрашиваю этих двух бугаев сигануть за борт (увы, именно так, а не рукоприкладством, физически мне их сдвинуть с места не по силам), и поняла: права была моя подруга Ленка, когда порой вопрошала: «У тебя мозги есть?» Помнится, я отшучивалась, говоря, что есть, но моего размера нет, и утверждала, что скоро-таки подходящий завезут и я обязательно куплю. В общем, как стало понятно, то ли серое вещество так и не доставили, то ли очередь до меня не дошла, то ли разобрали все извилины. А чем еще объяснить мое опрометчивое заявление?

Над нами подстреленным койотом завыл один из духов, что был пойман в магические силки дирижабля.

Смерть задрала капюшон, рассматривая солиста, а потом, видя мои метания, с издевкой протянула:

– Вон, тоже такой же особо умный, как и ты. Думал, личем станет – от меня уйдет. А его свои же арканом силы повязали и продали как духа ветра.

Из услышанного я поняла лишь две вещи. Во-первых, эти души стоят у Смерти в графе «неучтенка». Во-вторых, в этом мире, если что, мне оставаться неупокоенным духом не стоит – арканы. Это же надо было додуматься – посмертное рабство! Воплощенная мечта любого начальника: кормить не надо, в отпуск не уходят, зарплату и ту не плати...

Из размышлений меня вырвал еще один окрик эльфуса:

– Ты что, как помойная кошка, у ног трешься? Живо в каюту!

Я, занятая судорожными размышлениями на тему, чем в этот раз откупиться от костлявой, лишь досадливо рявкнула:

– Не мешай! Видишь, я со Смертью договориться пытаюсь! Между прочим, она за твоей матросней пришла!

То ли мои слова оказались весьма эмоциональны, а оттого убедительны, то ли эльф каким-то шестым чувством уловил присутствие логиста из преисподней, но на миг он отвлекся от дирижирования духами и уставился прямо перед собой, сквозь Смерть.

– Ты видишь ее? Где она? – напряженно спросил он.

Смерть издевательски помахала кривой прямо перед его носом. И, кокетливо поигрывая костлявыми пальцами перед провалом капюшона, издевательски-ласково проворковала:

– Я здесь, дорогой!

Капитан вздрогнул и завертел головой, словно слепец.

– Жаль, что меня могут видеть лишь некроманты, да и то только мной же поцелованные, – с притворной грустью произнесла она. – А то такие красавчики – и вечно мимо смотрят...

Капитан, потеряв концентрацию, упустил тот момент, когда один из духов сумел выпутаться из энергетических силков и припустил сквозь ливень, похожий на хвостатую комету в миниатюре.

Пасс эльфа, напомнивший бросание лассо, – и дух забился на привязи. А я поняла: вот он, мой шанс дать взятку лицу при исполнении!

– Леди Смерть, а что, если вы возьмете душу этого мага? Она ведь гораздо ценнее, чем у этих матросов. А то, что они за борт не упали, оформим как повестку?

Смерть, до того момента флегматично наблюдавшая за тем, как лич бьется в аркане, перевела на меня внимательный взгляд, а потом кивнула:

– Скажи, пусть бросает поводок. А этих, так и быть, сама упокою...

Эльф, не подозревая о том, что мы со Смертью только что договорились о взятке в мертвой, но ценной духовной валюте, вкладывал все силы в то, чтобы удержать лича. По тому, как он, рвя сухожилия, изо всех сил тянул на себя аркан, я поняла: не отпустит поводок. Как пить дать не отпустит, хоть заговаривайся.

Бросила взгляд на спасенных матросов, которые уже пришли в себя и споро сворачивали боковые арочные крылья дирижабля. Этим отправить к праотцам тоже не получится. Скорее это они меня за борт скинут. Оставался только один выход.

Порыв штормового ветра бросил мне мокрую прядь волос в лицо. Провела рукой, убирая локоны, что сейчас напоминали сосульки, оскалилась, примериваясь, и вцепилась зубами в бедро эльфа.

Расчет оказался верным: остроухий, не ожидая такого коварства от судьбы в моем лице, потерял концентрацию и выпустил поводок.

Тотчас Смерть, оседлав косу на манер байкера, задрала лезвие и свечкой сиганула вверх, преследуя свою мзду. Но это я отметила лишь мимоходом. Гораздо больше меня интересовал горящий ненавистью взгляд.

Лучше бы он заорал, встряхнул меня за шкуру, как кутенка, наградил крепким словом... Но нет, эльфус не привык тереть язык о небо, оттого лишь бросил:

– С тобой, полоумная, разберусь позже.

А затем его рука, сложенная пригоршней, запустила в меня заклинание. Я и пикнуть не успела, как была связана не хуже почтенного аксакала египетских пирамид. Еще пасс, и силовой аркан волоком протащил меня по палубе в открытый люк, как бревно под распил.

Свалиться в разъявленную пасть трюма мне не удалось по одной простой причине: пол накренился так, что я на манер колобка-дезертира весело покатила, закладывая немислимые кренделя.

Впереди маячил борт, и мысль о том, чтобы упасть в трюм с вероятностью свернуть себе шею в пресловутые пятьдесят процентов (либо сверну, либо нет), показалась мне вполне приятательной. А как иначе? Альтернатива грохнуть на землю с фиг знает какой высоты давала стопроцентный летальный исход.

Дирижабль мотнуло, на этот раз в другую сторону, и я таки угодила в люк трюма. Короткий полет под аккомпанемент моего истошного «а-а-а!» и приземление. Причем мягкое, а оттого вдвойне радостное. Но счастье длилось недолго. Крышка над головой захлопнулась то ли под очередным креном дирижабля, то ли капитан решил перестраховаться, чтобы я точно не появилась на палубе еще раз.

И я очутилась в абсолютной, как думала сначала, темноте. Но тут же пространство, в которое смело плеснули чернил, наполнилось скрипами, шорохами и... попискиванием. Характерным таким. Знакомым. Я хотела было заорать, но перетруженное горло выдало лишь сип.

Грызуны, словно почуяв, что локальный метеорит в моем лице не в силах оказать сопротивления, осмелели и начали прерванную было базарную перебранку на своем крысячем языке. Мои же глаза начали привыкать к тьме. Стал вырисовываться ряд бочек, ящики и сундуки, выставленные вдоль стен, мешки, что лежали по центру. Я тоже оказалась на этих самых мешках, судя по ощущениям, набитых пушшиной.

И тут почувствовала, как по ноге семят мелкие лапки. Теплые. Их щекотка могла быть даже приятной, если бы не одно «но»: это были крысиные лапы!

Лысый хвост елозил из стороны в сторону, в то время как его обладательница, покорив задранную до колен юбку и пояс, подбиралась все ближе к моему лицу. Я постаралась извернуться гусеницей, чтобы скинуть с себя наглую тварь, но та словно не заметила моего маневра. Мгновение – и в мой нос уткнулись беспрестанно шевелящиеся усы.

Я перестала дышать. Крыса меж тем клацнула своими резцами и, деловито развернувшись, отбыла на мою же грудь. Удобно там устроившись, она вперила в меня глаза-бусины.

Будь я на Земле, решила бы: пришла моя шизофрения. Причем голохвостая, наглая и пахучая. Хотя медики обычно обещают белочку. Побитую молью, помятую, но милую белочку.

Вот только после того, как я сначала уболтала одну Смерть, а второй и вовсе дала взятку, удивляться какой-то там крысе... Но вскоре обнаружилось, что не какой-то, а чревоушательной.

Хотя сперва после ее пискучего: «И вправду живая некромантка», – меня все же посетила мысль об убийной дозе галоперидола. Уж больно похоже на акустическую галлюцинацию, словно несмазанные проржавелые петли пели дуэтом с орущим младенцем. От такого сочетания звуков на ультразвуковой частоте малодушно подумала, что если это все же глюк, то медикаментозное лечение не поможет. Тут кардинальное нужно, хирургическое, путем отсекания большого органа – ушей, и лучше сразу вместе с головой, чтобы наверняка избавиться от проблемы.

Но пока из всех средств лечения, которые были доступны мне в спеленатом заклинании состоянии, имелось только одно: помотать головой. Его я и применила, причем в двойной дозе. Не помогло. Тварь все так же сидела на моей груди и деловито попискивала.

– Чего мотыляешь головой? – недовольно прокомментировала мои действия крысявка.

– Лечусь, – честно ответила я.

– От чего? – осведомился мой личный бред.

– От тебя. – Я попыталась спихнуть наглую собеседницу с груди.

– Обычно от фамильяров не лечатся, ими обзавестись пытаются, – глубокомысленно заключила крысявка.

Что такое фамильяры, я представляла плохо. Судя по названию, это что-то семейное. Фамилия же... Может, фамильная черта какая, как гемофилия. Хотя вроде это болезнь. Или признак породы, как черные брови в сочетании с платиновыми волосами.

Я зашла в тупик и попыталась мысленно воспроизвести разговор с крысой с самого начала. И тут меня озарило: эта погрызуха имела в виду себя. Дескать, она – загадочный фамильяр. Решила уточнить.

– А это ты фамильяр? – отринув этикетное выканье, раз у нас диалог сразу перешел на панибратское «ты», спросила я.

– Конечно, а кто же еще?

И, встав на задние лапы, крыса приложила переднюю к своему брюшку и поклонилась:

– Разрешите представиться, Энжения, фамильяр покойного крауфа Эскобрима, – отрекомендовалась она и пояснила: – Того самого, которого вы не далее как пару вздохов назад сторговали у Смерти. Признаться, мне не хотелось бы последовать за хозяином в небытие, а потому у меня есть ровно сутки, чтобы найти себе нового хозяина. И капитан этого судна меня, увы, не вдохновляет. Он из мертвых-то выжимает все до капли, заставляя их в безветрие идти со скоростью почтового дирижабля. Да и с команды норовит семь шкур спустить...

Припомнила, сколько духов еще там бьется в силках. И что, у каждого тут бродит вот такой вот крысофамильяр? А еще из пискучей витиеватой речи я поняла: голохвостая ищет «крышу». И хоть я на братка-рэкетира не тянула, отчего-то лестное предложение стать обладательницей фамильяра перепало именно мне.

– А почему я? Тут народу три дюжины, не меньше... – задала, как мне казалось, умный вопрос.

Но крыса отчего-то рассмеялась, словно я была той, кого мама с папой обделили парой-тройкой хромосом.

– Магов всего двое. Так что выбор, как видишь, у меня невелик, – голохвостая переключилась с церемониального и чуждого ее природе «вы» на дружеское «ты». – Так как? Берешь меня в услужение? Только прежде чем отказываться, учти: такие, как я, бывают весьма полезны, но далеко не каждый маг способен создать фамильяра, лишь сильнейший. Оттого нас на свете мало и уходим мы чаще всего вслед за своим творцом.

Я хотела ответить в чисто бабушкином стиле: «Да тут надо подумать», но качка заставила меня нечаянно кивнуть головой. Челюсти, начавшие было открываться, клацнули, отчего я прикусила язык, и вместо фразы вырвалось:

– Де ту...

Крыса отчего-то обрадованно потерла лапы и, пискнув: «Будем считать это согласием», бодро перескочила на мое запястье. То самое, где красовалась татуировка. Принюхалась, проверещала: «Род Эрлисов, занятно», – и впилась зубами в кожу. Я почувствовала выступившие капли крови. Но то, что произошло дальше, изумило меня еще больше. Крыса, обхватив лапами кончик своего хвоста, укусила и его. Вздрыгнув всем тельцем при этой членовредительской процедуре, она начала сцеживать красную руду из него.

Капли моей и ее крови смешались под крысиный речитатив:

– Я, Энжения эрми Гронтвирд, фамильяр истинного облика белоснежной тени, с согласия своей новой госпожи, девицы рода Эрлисов, обязуюсь служить ей до конца ее земного пути и отбыть вслед за ней по пути вечному спустя восход и закат...

По тому как торжественно крыса пропискивала слова, чувствовалось: они наполнены особым ритуальным смыслом и, как в каждом законе, в них была лазейка. Упомянутые восход с закатом, то бишь сутки, – вот та возможность, которая позволяла этому существу остаться в мире живых.

Капли смешанной крови вдруг засветились, образуя сначала малую воронку светового торнадо. Вихрь все разрастался, затягивая в себя окружающую тьму. И не только ее. Меня и крысу тоже закружило в бешеном водовороте, где нет ощущения не только верха и низа, но и самого времени. Поэт бы назвал это круговертью невесомости космоса. Увы, я стихоплетом не была ни разу, оттого на ум пришло лишь сравнение с процессом пищеварения у жвачных животных. Когда тебя сначала прожевали, чуток попереваривали и отрыгнули.

Именно в таком состоянии средней степени пожеванности я и пребывала после крысиного ритуала, когда мой организм все же не выдержал вытворяемого над ним произвола и отрубился. Пришла в себя, когда над головой открылась крышка. Проем тут же получил обрамление в лицах матросни, которая с интересом уставилась вниз. «Прямо как бомжи в открытый люк», – подумалось вдруг.

Попробовала пошевелиться и обнаружила, что магических пут на мне уже нет.

Запястье немилосердно ныло. Я непроизвольно пошарила взглядом вокруг, ища виновницу боли. Недавняя знакомая обнаружилась быстро. Аккурат рядом с моей голой лодыжкой. Голохвостая изображала труп на полставки. От полной достоверности ее отделяла лишь малость: подрагивающая задняя лапа.

Отчего-то решила, что раз это теперь мой фамильяр, за обладание которым уплачено кровью, то пусть он и делит со мной все тяготы. Впрочем, чувство брезгливости еще не умерло в конвульсиях, оттого подняла я с пола погрызуху за кончик хвоста.

Крысе такой способ транспортировки жутко не понравился, и она, моментально очнувшись, выгнулась дугой и ухватила за рукав платья. Я от неожиданности разжала пальцы, чем крысавка и воспользовалась. Шустро перебирая лапами, пробежала по локтю и очутилась на плече. Захотелось заорать, но ни надсаженное горло, ни прикушенный язык меня не поддерживали. Я лишь закашлялась.

Голохвостая же, словно взяв разбег, сиганула с плеча, как с трамплина, на бочку, а с нее уткнулась на пол и забила в щель меж ящиков.

Матросня, наблюдавшая за бесплатным представлением, откровенно потешалась. Когда смех, больше похожий на ржание жеребцов, стих, сверху донеслось насмешливое:

– Вылезайте, барышня.

Вслед за этим мне скинули веревочную лестницу. Ползти наверх не хотелось жутко, но и смысла оставаться здесь особого не было. Если меня хотят видеть наверху, лучше пойти, пока просят по-хорошему, а то станет, и насильно вытащить могут.

Пока я перебирала ногами по ступенькам, которые того и гляди норовили ускользнуть из-под ступней, веревки скрипели, матросы смеялись. Обиднее всего было, что среди зубоскалов, отпуская шуточки, были и двое спасенных. Зря я только вчера руки обдираю о канат, тягая их.

Едва моя макушка показалась над палубными досками, по глазам резанул пронзительно-яркий свет. Небесная лазурь радовала своей безмятежностью, облака были столь близко, что казалось – еще немного, и они коснутся баллона дирижабля. Повеса-ветер беззастенчиво целовал растрепавшиеся волосы, щекотал шею, играл с разодранным воротом платья.

– Разрешите вашу руку, – раздался прокуренный голос помощника капитана, в котором тоже гуляли отзвуки смеха. – Буря миновала. И не только на небе, но и у капитана в душе. Так что смелее.

Делать нечего, пришлось, вцепившись в широкую мозолистую ладонь, вылезать из трюма. Кое-где порванные паруса, измочаленный кливер и треснувшая рея словно подтвер-

ждали: ночка выдалась веселой. Я шла по палубе под десятками взглядов. Любопытных, смеющихся, но не злых.

– Не сердитесь на команду, сударыня, – чуть слышно начал бородач, прикладываясь к трубке. – Эта ночь прошла тяжело. Всем хочется снять напряжение, а раз ром капитан во время полетов пить запретил, портовых красоток тоже не наблюдается, остается одно средство – смех. Особенно он необходим тем, кто вчера заново родился. – Тут он скосил на меня хитрый взгляд. – Не без вашего участия. И не думайте, что мы это не ценим. В море, угодив за борт, есть шанс выжить. В небе же – ни одного, если только ты не дракон.

Я чуть было не лягнула: «А что, тут еще и драконы есть?» – сразу представив себе здоровенную ящерицу, пыхающую огнем так, словно в пасти у нее раздаточный пистолет от бензопилы, а в гландах – запал. Но вовремя прикусила язык и внимательнее посмотрела на своего провожатого, пускавшего дымные кольца. Невысокий, бородастый, с молотом у пояса... Если капитан – эльф, то его помощник... гном?

То, что мне катастрофически не хватает информации об этом мире, давило. Я почувствовала себя рыбой, выброшенной на берег: как ни трепыхайся, но без воды, без своей среды, долго не протянешь. И тут лишь два выхода: либо пытаться вернуться в море, либо шустро эволюционировать, отращивая вместо жабр легкие и прокачивая плавники до ходильных конечностей.

Увы, первый вариант был невозможен по той простой причине, что в родном мире я труп. Так что оставался сугубо приспособленческий вариант. Вот только как разжиться информацией? Хотя была у меня одна идея. Одна наглая серая идея с лысым хвостом.

Я так погрузилась в свои невеселые мысли, что вынырнула из размышлений, лишь переступив порог капитанской каюты.

Рихейнэль сидел за откидным столом и что-то с упоением строчил в документах. Подняв голову и увидев меня, он скривился, словно его мучила изжога.

– Танганрог, спасибо, – кивнул эльфус своему помощнику.

Тот, огладив пятерней бороду, понимающе кивнул и удалился, оставив меня с капитаном тет-а-тет.

В гробовой тишине тяжелый взгляд эльфа грозил пришпилить меня к стене, словно булавка энтомолога – бабочку-поденку. Я держалась. Я крепилась. Сжимала зубы. Ровно тридцать секунд. А потом вспомнила слова бабушки Софы: «Не тяни ты, как Иран с бомбой. Сделала – хвастайся. Особенно если совершила глупость. Ведь если ты сама расскажешь о своем просчете, да еще с выгодной для тебя стороны, то прокол будет выглядеть мудрым решением». В этом с бабушкой было тяжело поспорить.

Взять те же красные трусы, одетые поверх синих трико, ставшие символом целой эпохи. Эпохи фанатов супермена. А ведь все началось с того, что в сороковые годы в одном из первых комиксов в типографии просто напортачили с чернилами, и герой получился с красной задницей... А читателям этот образ понравился. И только спустя семьдесят лет киношники догадались, что надевать нижнее белье все же стоит под, а не на суперкостюм.

Вот и сейчас решила воспользоваться мудростью бабули и, вместо того чтобы покаяться, сиганула с места в карьер.

– Я жду благодарностей! – начала я в тоне исторички Марьи Ивановны, отчитывающей прогульщика Петечку.

Эльф закашлялся. Я же, спеша закрепить успех, добавила:

– Я спасла двух ваших матросов, уговорила Смерть за символическую мзду отсрочить их уход в небытие. И что я получаю вместо благодарности?

Упертые в бока руки на манер жинки, поджидающей со скалкой своего загулявшего благоверного, сварливый тон, взгляд с укоризной. На многих людей бы подействовало, заставив

стусеваются. Вот только капитан человеком не был. Он был сволочью. Ушастой эльфячьей сволочью, поскольку, справившись с удивлением, жестко припечатал:

– Мне плевать, что вы там себе нафантазировали, барышня. Говорят, душевнобольным может не только смерть примерещиться, но и второе пришествие огненных выюг. Но из-за вас я упустил лича! А это триста золотых!

Не знаю, из-за чего я разозлилась больше: из-за того, что Рихейнэль не поверил ни одному моему слову, или из-за того, что жизнь матросов он ценил меньше духа давно умершего мага. А может, из-за того, что мой сердечный порыв грозил мне же нехилым долгом?

– Ну не я же отпустила аркан.

– Когда кусают за зад, тяжело удержать в уме плетение силовых линий, – парировал эльф, а потом словно спохватился: – Так вы видели магические пути?

– Да, – выдавила я из себя, вновь ощущая, как у меня под волосами начинают копошиться жуки. Здоровые такие, перебирают своими лапками, норovia зарыться поглубже в мозг. Непроизвольно вырвалось: – Не смейте!

Боль, отчаяние, ощущение беспомощности, словно тебя раздевают донага на потеху пьяной толпе, сплелись в тугой клубок влюбленных змей, пробежали по жилам, заискрились на кончиках пальцев и слетели с рук двумя зелеными молниями.

Приложило эльфа знатно. Даже стул под ним решил, что свой срок он отслужил и пора бы ему на пенсию. Оттого и развалился на части.

Остроухий же ошалело замотал башкой, а из благородного носа потекла кровь.

– Что же ты не сказала, что поцелована Смертью?! – прогнусавил он, зажимая перебитую переносицу.

– Кто? – очумело переспросила я, силясь понять, что же такое только что выдала.

Неужто это от крысиного укуса?

– Некромантка, чтоб тебя! – прошипел эльф. – Всем ведь известно, что властелинами тьмы становятся либо по праву рождения, либо если тебя поцеловала сама Смерть. На истинно рожденную вы, лесса, – последнее слово он протянул с издевкой, – не тянете. Но я и подумать не мог, что вы уже изволили умирать. Прошедшие смерть обычно выглядят иначе.

– Так вы мне верите? Что это был не бред сумасшедшего и я вчера действительно разговаривала со Смертью? – начала я гнуть свою линию.

Раз признал, что я с костлявой в тесных целовальных отношениях, может, и с тем, что сам виноват в улете лича, согласится?

– Верю, – выдохнул эльф. И не успела я обрадоваться своему таланту дипломата, как он припечатал: – Таких качественных галлюцинаций, как у вас в мозгу, не бывает. Это надо именно пережить.

«Вот ведь телепат хренов! Не поверит, пока в мозгах не проверит!» Судя по всему, я опять думала очень громко: кончики острых ушей заалели. Ну и пусть знает, что я помыслила о нем. А триста золотых он фиг на меня повесит.

Вторя моим мыслям, капитан, вставая и все так же задирая голову вверх, чтобы остановить кровь, прогнусавил:

– Сто пятьдесят золотых – дороговато за жизнь никчемного матроса.

Может, мне и показалось, но в этом его сварливом «никчемном матросе» сквозила тщательно скрываемая за досадой... благодарность?

– А мудрецы говорят, что любая жизнь бесценна, – парировала я скорее по инерции.

«И почему о бабушкиных заветах я вспоминаю опосля?» – подумала с запозданием, когда слова уже слетели с языка; умная женщина тем и мудра, что умеет вовремя глупо промолчать. И что мне стоило попридержать язык? Зато у эльфа этот самый орган был как бритва. Не иначе мужчин в этом мире учат специально оставлять последнее слово за собой.

– Эти ваши мудрецы, видимо, никогда не бывали на невольничьем рынке в Харуме. Поверьте, там жизнь любого оценят с точностью до гнутаго медяка. И если это сделают не торговцы рабами, то наемные убийцы.

Мне так и хотелось съязвить про вилку цен: какова разница между жизнями двух матросов и лича, но я сдержалась. И вовремя. Эльфус выпрямился и, бросив на меня изучающий взгляд, веско произнес:

– Только истинные некроманты способны видеть Смерть. То, что вам удалось договориться с ней и обменять жизни моих матросов... Будем считать, это был первый и единственный раз, когда я вам прощаю долг. Но чтобы впредь подобного не повторилось, до конца плавания вы будете находиться под арестом.

Как позже выяснилось, слова капитана с делом не расходились: меня заперли в моей же каюте, выходить из которой отныне я могла только под надзором. Спасибо хотя бы еду давали. Культурный же досуг был представлен тремя старыми газетенками и Энженией. Кстати, крыса оказалась кладезем полезной и океаном бесполезной информации. От нее я смогла узнать кое-что об устройстве мира. Правда, данные крысявки могли устареть примерно лет на триста – именно столько провела душа ее хозяина, скитаясь по дорогам первозданной мглы, прежде чем ее выдернули и заставили служить тягловой лошадкой дирижабля.

Из бесед с фамильяром я поняла, что меня угораздило попасть в империю Трейгор, простиравшуюся от коварных огненных впадин запада до восточной границы, которую подпирали край горной гряды, а где оной не значилось – имелись весьма активные соседи. Один, весьма могучий и жадный до новых земель сопредельник, нет-нет да и начинал очередной военный поход, дабы трейгорцам не было скучно.

Север радовал вечной мерзлотой белых снежных пустынь. С юга же империя имела лоскуток выхода к Багровому океану, а остальная часть пестрого политического одеяла пограничья была усыпана яркими пятнами малых государств. Причем как человеческих, так и нелюдей.

Держава была могучая и внушительная. Если неприятель и решит завоевать империю, надо очень постараться: горы переплыть, океан перелезть, при этом не замерзнуть и не поджариться. А то и вовсе осуществить невероятное – помириться с соседями для объединения сил. А вы видели где-нибудь братающихся эльфа и орка? А вампира и древесника, что из осиновых роц? То-то же.

В общем, проще с Трейгором дружить. Зато у столь обширной державы имелся весьма существенный недостаток: мертвые пятна. Похоже, это своеобразные черномыльские зоны, где нет ничего живого. Зато мертвое чувствует там себя вполне привольно.

Как рассказала моя хвостатая сокамерница, некоторые маги, особенно ратующие за биоразнообразие и возможность под шумок открытия очередного вида зомби выбить себе внеочередную премию, даже создали черную книгу исчезающих видов умертвий...

За расширением кругозора через крысявкины воспоминания я и коротала время путешествия. Питала мозг знаниями, облагораживала тело вынужденной диетой из овсяной каши, которую местный кок отчего-то очень любил, и считала дни. До Эйссы, судя по ответам стражников, оставалось лететь около недели, когда дирижабль замедлил ход и пошел на снижение. Узнать о последнем было проще простого: если закладывает уши и пол начинает уходить из-под ног, ответ напрашивается сам собой.

«Заходим в очередной порт», – так прокомментировала крысявка. Стоянка длилась не больше часа и была бы ничем не примечательна, если бы не одна деталь: прежде чем дирижабль вновь поднялся к облакам, я обзавелась соседом, поселившимся в каюте через стенку.

О новом постояльце сообщил сначала скрип половиц, а потом – надсадное пение несмазанных петель и уважительный комментарий старпома:

– Располагайтесь, крауф.

Нам с напарницей стало любопытно, с кем так почтителен пройдоха гном?

Нет в мире силы, способной противостоять женскому любопытству. Спустя три часа, в течение которых из-за стены не доносилось ни звука, я занималась тем, что выколупывала из доски сучок. В ход пошли умыкнутый однажды во время ужина столовый нож и шпилька из собственной прически.

Когда же в углу каюты появился глазок и я прильнула к нему, чтобы узнать, кто же этот таинственный крауф, меня ждало потрясение.

Глава 3

На кровати на животе лежал, раскинув черные крылья, мужчина. Но даже не это поразило меня больше всего. Из здоровенной рваной раны на его боку сочилась кровь, пропитавшая уже всю простыню.

Поначалу мне даже показалось, что этот крауф мертв, столь неподвижен он был. Да и сама поза (рука вывернута под немислимым углом: еще немного, и лучевые кости выскочат из сустава) свидетельствовала о том, что не просто так нежится на ложе крылатик. Но пригляделась повнимательнее и поняла: таки живой. Едва заметно дышит.

Первым порывом было помочь. Хотя бы позвать тех, кто перевяжет рану истекающему кровью. Но я волевым усилием заставила себя отринуть малодушные мысли о помощи ближнему. Научена уже горьким опытом. И если совесть, которая потом непременно меня будет грызть, еще можно накормить благими намерениями, как милостыней нищего (а не держать впроголодь, чтобы уж совсем заела), то отнимать у Смерти положенное ей по праву... Не всякая костлявая взятку возьмет, вдруг попадетса неподкупная?

Крыса же, до этого момента составлявшая мне компанию, куда-то убежала, едва ее любопытный нос сунулся в мой глазок. Местом, в которое дезертировала компаньонка, оказалась соседняя каюта. Я наблюдала, как крысявка, ловко перебирая лапами и используя хвост как оплетку, взобралась по ножке кровати, устроилась в изголовье и стала внимательно разглядывать крылатого.

Хозяин каюты то ли почуял на себе пристальный взгляд, то ли просто от боли застонал, но, так или иначе, крыса посчитала за лучшее смыться.

Пока она шустро мела хвостом по направлению к крысиному лазу, я рассматривала соседа. Руки. В них чувствовалась сила. С чуть выступающими прожилками вен на запястьях, обвитые сетью нательных украшений: коричневых рун и белых жгутов застарелых шрамов. Последние были тем виднее, что рассекали смуглую кожу. Черные волосы, разметавшиеся по подушке. Под стать им и перья на крыльях, в которых, казалось, поселилась сама тьма.

Широкая спина, которая не привыкла склоняться. Крепкие плечи. Тренированные мышцы воина, застывшие под кожей. Чуть пульсирующая жилка на шее, где тоже красовался рунический знак. Лицо мужчины было наполовину скрыто подушкой. Оттого я смогла лишь заключить, что крылатый – обладатель прямых бровей, упрямого широкого лба и римского, чуть с горбинкой, носа.

Я бы не сказала, что по канонам нашего модельного мира он красив. В нем не было ни капли гламурной красоты, которая является скорее результатом титанического труда визажистов, стилистов и фитнес-тренеров, чем даром от рождения. Зато от него буквально веяло силой. Как сказала бы моя коллега, секретарша Леночка: «Столько тестостерона, что в нем можно если не утонуть, то захлебнуться – так точно».

Раненый еще раз пошевелился, перекатившись. При этом крылья, оказавшиеся снизу, начали уменьшаться, складываясь в валики, а потом и вовсе стали втягиваться в спину. От исследования физиологических процессов крылатых мужчин путем наблюдения меня оторвал крысиный писк: из разведки вернулась Энжи.

Я на всякий случай вставила выковыранный до этого сучок обратно в дерево. Мало ли? – Будь осторожна, – начала фамилляр, усаживаясь на задние лапы, а передними остервенело растирая мордочку. Не помогло, крысявка все равно расчихалась.

Была у нее такая особенность: аллергия на пыль. У крысы! Как оправдывалась сама Энжениа – не на всякую, а с доброй долей магической составляющей, но сути это не меняло. После того как собеседница прочистила нос столь немудреным способом, как чих, она продолжила:

– Я разглядела вязь на его запястье. Род Вердэнов. Плохо.

– А чем плохо? – не поняла я.

– А... да ты же не знаешь, – махнула лапой крыса. – Все забываю, что ты не от мира сего. Это один из пяти человеческих родов, который способен претендовать на престол. Чаще всего Вердэны по мужской линии – это дипломаты, военачальники, советники... В общем, опасные личности, приближенные к трону. Но вот что странно – этот раненый, хоть и принадлежит к роду Вердэнов, человек лишь наполовину. И это притом, что наследники древних династий никогда не мешали кровью! А если учесть, что на предплечье у нашего соседа еще и знак урбороса – змея, поедающего свой хвост, то и вовсе тоскливо.

В этот раз вопросов я задавать не стала, лишь пристально посмотрела на крысу. Она ответила мне взаимным недовольным взглядом: разжевывай-де глупой хозяйке.

– Это символ. Его носят сумеречные гончие.

– Шпионы?

– Ну да, – удивилась моему непониманию крыса.

– Зачем, если ты агент, носить на себе метку, всем и каждому говорящую о твоём ремесле? – пояснила я свой вопрос.

– А ты думаешь, что ее ставят любому шпику, который только поступает на службу? – ехидно осведомилась крыса. – Это знак отличия, медаль. За заслуги, так сказать. У моего прошлого хозяина такая же была. Но сумеречные гончие не носят наград поверх мундиров...

– И все же зачем? Любая случайная девка, с которой провел ночь...

Крыса тоненько засмеялась, обхватив лапами хвост:

– Любая девка... Сдается, наш новый знакомец не из тех мужчин, что привыкли щеголять нагишом где ни попадя, и нам лишь по чистой случайности удалось лицезреть его нательную живопись.

Тут мне вспомнились слова капитана о том, что он пассажиров не берет... Значит, об этом знал и крылатый, раз не ожидал, что за ним могут подсмотреть. Кстати, а почему этот-то раненый тут оказался?

Энжени думала недолго и предположила, что скорее всего капитан был вынужден подчиниться закону Трейгора: оказать помощь агенту при исполнении. Это одно из условий, при котором частному дирижаблю дозволяется летать по просторам империи.

Я заинтересовалась этими самыми условиями и законами в целом, да и самим капитаном, и разговор с раненого соседа перешел на вещи более обыденные. Со слов Энжи выходило, что нелюдей в империи не то чтобы притесняют, но относятся строже. А как иначе? Власть крепка тогда, когда нация едина. А лучше всего народ объединяют две вещи – трагедия и ненависть. Первая – кратковременная, а вот вторая... Но мудрый политик не станет разжигать ее до фанатизма, а будет умело направлять, закручивая гайки.

Так вышло и с капитаном. На первый взгляд, эльфам, как, впрочем, и гномам, и драконам, и оркам, в империи все дороги открыты. Но дополнительные налоги с нелюдей (как же – живут дольше, болеют меньше), возможность только платного обучения (задарма у себя дома в священных рощах обучайтесь! И не важно, что у вас там гражданская война. Имперцам-то какое до этого дело?), отметки о месте пребывания, пошлина на вступление в брак... Вроде права такие же, как и у людей, но это юридическое равноправие эмигрантов напоминало скорлупу протухшего яйца. Пока не коснешься, оно такое же, как и все соседние, но стоит чуть треснуть – от вони в носу еще долго щипать будет.

Лишь чародеи в первую очередь подчинились своему ковону. Оттого эльф и пошел учиться в магистерию на отделение светлой магии. Залез в долги по самые кончики своих острых ушей, но сумел получить диплом. Правда, с кучей ограничений на использование ментального дара, нарушение которых грозило не только отъемом лицензии, но и каземами.

Вот сейчас эльфус и расплачивается по счетам, пытаясь свести концы с концами.

Мысли о долгах и деньгах – одни из самых печальных. За время путешествия они не раз посещали меня. И по всему выходило, что хоть я и не простолоудинка, а по земным меркам ближе всего к обнищавшей баронессе из захолустных земель, но по прибытии нужно искать работу. Иначе быстро и качественно протяну ноги, совсем как образец для памятников, что ныне квартирует в Мавзолее на Красной площади.

Именно по столь прозаической причине все дни полета, что мы провели в компании с крысавкой, я тщательно изучала три старых газетены. При первом прочтении мятых желтых страниц меня мучила зевота от колонки светской хроники и объявлений, кто на ком женился и с кем развелся. При втором – сводило скулы от первых полос с «сенсационными» заявлениями вроде: «Глава Винной гильдии на праздник первой луны бесплатно выкатит пять бочек верлисского красного для граждан стольного Марома».

Я еще подумала, читая подобные статьи, что и сюда пролезли ушлые рекламщики, которые под видом безобидной новости о халяве расхваливают «чудесный букет» и «превосходный вкус» конкретной марки пойла. Как призналась крыса – на вкус жутко отвратного: она сама как-то пробовала, когда на дирижабле перевозили три сотни бочонков этого самого верлисского. А я лишь убедилась, что и здесь реклама – двигатель торговли. И, как и в родном мире, выхлоп от нее режет глаза, дерет глотку и туманит мозги.

При десятом прочтении газетенок у меня даже появились любимые места, цитаты из которых я помнила наизусть. Это были объявления о вакансиях. Увы, на многие должности я не подходила. Даже в пресловутые прачки, швеи и булочницы не годилась. Не умела я профессионально ни стирать, ни штопать. Нет, дома бывало терла руками пятна, но чтобы целый день муржиться чужие портки... Тут, боюсь, спасует не моя гордость, а банально физических сил не хватает.

Занять же место штатного иллюзиониста в кабаке льера Нориуса (требовалось «наведение миловидных женских фантомов, не сильно обремененных одеждой», как значилось в одном из объявлений) я не могла по той лишь причине, что дар у меня был дикий. А обучение... Как категорично заявила крыса: не факт, что силы дара хватит, чтобы меня взяли в магическую академию бесплатно, а платно – еще деньги надо найти.

От меркантильных размышлений отвлекли шаги. Лязгнул дверной засов – мне принесли еду. Сегодня меня почтил своим присутствием лично капитан.

Эльфус поставил на стул миску с кашей и положил на пол полный бурдюк.

– Наш полет подходит к концу, – начал свою речь он, немало меня удивив. Со слов крысы, в момент появления в каюте капитана юркнувшей под кровать, лететь нам еще изрядно. – Поэтому считаю, что свою часть сделки я выполнил. Теперь дело за тобой. Поклянись душой, что никому не расскажешь о том, что я читал твои мысли.

Он так и не договорил «без твоего согласия», словно опасался, что и у стен есть уши. Но мы и без того друг друга поняли.

– А как же еще десять дней пути? – начала было я, памятуя о том, что торг всегда уместен, неуместна бывает лишь цена.

– Пространственный карман. Мы прошли через него щепу назад, чтобы доставить ценный груз, – туманно пояснил эльфус. – Так что скоро мы будем в Эйссе. Поэтому поклянись.

– Как именно? – задала я вполне закономерный вопрос.

Ибо из всех клятв знала только «зуб даю» и «да чтоб у меня комп больше ни разу не включился». Но, думаю, это не совсем те слова для чародейского обета.

Мои подозрения оправдались. Слова оказались совсем иными: они сплетались, как стебли виноградной лозы, цеплялись друг за друга, образуя причудливый узор, за которым смысл лишь проглядывал. Эльф произносил всю эту муть в надежде, что я буду просто повторять за ним. Не на ту попал! Это все равно что подписывать договор, не читая, а я, закаленная налоговыми выкрутасами Джоконды Анакондовны, не просто привыкла договора читать, но

еще созваниваться с юристом по поводу формулировок и заглядывать в справочник по грамматике на предмет необходимости запятых.

Я молча дослушала витиеватый поток словес, из которого дельным было лишь то, что реши я рассказать кому о том, что эльф шарил в моей голове, меня настигнет смертельное проклятие, а после того как я очокурюсь, душа должна будет полететь, как призывник в военкомат, на службу на его дирижабль.

Оставалось лишь подивиться предприимчивости ушастого. И себя обезопасил, и если что – халявным духом обзавелся...

– Дорогой Рихейнэль, – начала я, – вы не Александр Карелин. Не надо мять мне уши вашей прочувственной речью!

Эльф, знамо, не имевший представления о знаменитом борце, уставился на меня, как на сайгака в кирзачах. Меня же это ничуть не смутило.

– У нас с вами какая договоренность? Вы меня отвозите, я молчу. Ни о каких проклятиях речи не шло.

Смерила капитана взглядом и наткнулась на полный негодования взор. И поняла: эльф попал. Я оседлала своего любимого конька.

– Разрешите напомнить формулировку клятвы, подразумевающую... – Сухой язык в обрамлении казенных фраз заставил скулы ушастого побелеть.

Тем отчетливее проступили пятна гнева на его лице.

А я поймала себя на мысли, что законы законами и притеснение притеснением, но могу поспорить на свой последний золотой – этот эльф пользовался успехом у женщин. Даже сейчас, злясь, он был бы мне симпатичен. Был бы, если бы не был таким засранцем.

Мой спич – что грейдер супротив вычурной икебаны эльфячьих фраз. Такой же приземленный, лишенный подтекста и сметающий на своем пути все препоны. Суть его сводилась к тому же, что и переговоры России с Японией: «Сотрудничать будем, а в остальном... Хрен вам, а не Курилы!» В смысле поклясться я поклянусь, но на своих условиях. И, не дожидаясь согласия ушастого хмыря, четко произнесла:

– Даю зарок, что ни словами, ни рунами не расскажу о том, что капитан Рихейнэль читал мои мысли. – В этот же миг мои руки оплели голубоватые разряды магии, а рот обожгло.

Клятва была принята.

Эльф, глядя на это, лишь недовольно поджал губы, не подозревая, что лазейку в обете я себе все же оставила: никто не мешал мне если не сказать и не написать, то нарисовать процесс чтения мыслей. А вдруг сильно прижмет? Правда, как сделать это, я представляла весьма смутно. Но свято следовала заповедям бабушки Софы: всегда должен быть путь если не к отступлению, то к провалу. Под землю. В знаменитые на всю Одессу катакомбы. А там уже, в подземном лабиринте из туннелей, и отступить не придется.

– Так мы в расчете? – невинно хлопая глазками, уточнила я.

Эльфово «да», процеженное сквозь зубы, было лучшей музыкой для моих ушей.

И вроде бы все выяснили: через несколько часов, или ударов колокола, как в этом мире принято мерить время, я окажусь на земле. Отчего тогда капитан так пристально меня изучает и не уходит?

Когда я уже любовно ласкала взглядом кашу не хуже, чем муженек, отмотавший десяток лет в законном браке, – свою жинку: вроде и пресная уже, и вкус набил оскомину, а все равно, когда голодный, за милую душу пойдет, – капитан огорошил:

– Признаться, поначалу я думал, что вы слегка сумасшедшая. Но теперь я окончательно понял: такую умную, наглую и хитрую особу еще поискать.

– А вы умеете делать комплименты, капитан... Так тактично назвать меня крысой... – Я не договорила, а эльф, у которого еще имелись ошметки воспитания, растерялся и смущенно начал:

– Я не имел в виду...

«А вот не надо держать меня за дурочку и кипятить мне мозг, иначе ошпарю язвительностью», – зло подумала я, наслаждаясь своей мелкой мстостью. Ушастый меж тем понял, что над его словами просто зло посмеялись, и уже более сухо добавил:

– Я несказанно рад, что этот полет подходит к концу.

– Полностью с вами солидарна, – в тон проворковала я.

Засим мы и распрощались. Дверь закрылась, и я, прикинув ухом к скважине, услышала, как эльф заходит в соседнюю каюту.

Не теряя больше ни секунды, ринулась к своему наблюдательному пункту, словно чуя: подслушанный разговор может быть полезен. Но, увы, едва зайдя в каюту, эльф щелкнул пальцами и враз отрезал все звуки.

«Полог тишины», – прокомментировала более компетентная в таких видах пакостей крысаявка. Но даже без звука картинка выходила занятной. Еще недавно умирающий сейчас проснулся. Он стоял, слегка покачиваясь, по центру каюты в одних штанах, на которых виднелись бурые пятна. Его бок радовал мир багровым уродливым рубцом с запекшейся кровью.

«Видимо, без магии не обошлось», – отстраненно подумала я, уже начиная привыкать к тому, что в этом мире многое происходит по совершенно иным законам. Хотя наверняка у любой волшбы есть свой предел. О правдивости этого умозаключения свидетельствовали и багровые пятна на простыне.

Судя по тому как вытянулось лицо эльфуса, тоже разглядевшего запекшуюся руду на небеленом льне, он только что узнал, что взял на борт подранка. Я же прикинула в уме, что могло быть с остроухим, если бы на его дирижабле шпион решил склеить ласты, и начала догадываться, отчего капитан побелел.

Впрочем, здоровенный тугой кошель, кинутый странным пассажиром, ушастый поймал весьма ловко. И, надо полагать, мешочек дубленой кожи был набит отнюдь не медью.

Раненый еще что-то отрывисто сказал, натягивая при этом рубашку и заправляя ее в штаны. Он ничуть не стеснялся внимания капитана, словно эльф был обслугой, а не хозяином дирижабля. Остроухий же воспринимал это как само собой разумеющееся. Гордый и надменный капитан молчал! И это наводило на очень нехорошие мысли о том, сколь высокий пост занимает мой нечаянный сосед.

Как научила меня жизнь (да и смерть тоже): хуже начальства может быть только высокое начальство. А этот татуированно-награжденный и вовсе казался донельзя большой шишкой. Если бы дело было в нашем мире, то я бы подумала, что он из тех, кто носит звезды и на погонах, и на коленях сразу и оттого опасен вдвойне.

Капитан ушел, и я аккуратно вернула сучок на место. А то вдруг мой нечаянный сосед, не занятый беседой с эльфусом, почувствует слезку. С такого легко может статься.

Время в ожидании тянулось смолой. Долго, клейко, словно минуты липли одна к другой, не желая уходить в историю. Я сидела на кровати, перебирая в уме варианты дальнейших действий. Увы, перебирать я могла разве что их, поскольку вещей у меня с собой не было. Лишь один золотой в голенище сапога. Так это не вещь. Это – мое богатство. Оно же – шанс не подохнуть раньше, чем я найду себе заработок и крышу над головой.

Крысаявка тоже притихла. Не иначе прониклась торжеством момента.

Дверь в каюту открылась со скрипом. На этот раз визитер мялся на пороге, теребя в руках узелок.

– Лесса, – начал уважительно помощник капитана. – Вы не сердчайте, если что... Мы тут с ребятами собрали вам немного в дорогу. Заприметили, что у вас с собой ничегошеньки нету. А вы ведь двоих из команды спасли. Мы же добро помним...

Я даже растерялась от этих его простоватых, но искренних слов. А бородач, положив узелок на край кровати, не стал дожидаться моего ответа и в лучших традициях подрывников,

совершивших диверсию, начал активное регрессивное наступление, или попросту смотался. Мы с крысой пару минут посидели тихо, выжидая, не появится ли третьей партии «ходатайцев», но за дверь царил тишина.

Любопытство – первейший двигатель эволюции. Именно оно, подкрепленное жаждой халявы, сделало из обезьяны человека, а отнюдь не труд. И мне эта извечная женская черта, побудившая первую Еву продегустировать райское яблочко, была отнюдь не чужда. Я протянула руку к узелку. Развязала тряпицу и убедилась, что сей «сухпак» – дело исключительно мужских рук. Все практично до невозможности: ложка, миска, мужские портки, мыло, нож, портянки и рядом – коврига хлеба и вяленое мясо, завернутые в тряпицу. В общем, скарб нехитрый, но джое полезный для той, кто имеет за душой лишь опыт дачи полуматериальной взятки Смерти.

Аккуратно завернула свой неожиданный багаж. Крыса отчего-то не сильно желала к нему присоединиться, но я была категорически против того, чтобы лысохвостая путешествовала, прицепившись меховым наколенником к ноге под юбкой. Крысявке пришлось смириться и залезть в узелок, где она вольготно устроилась в глиняной миске.

Когда дирижабль причалил к пирсу, капитан лично пришел меня сопроводить. Не иначе чтобы убедиться, что по дороге от каюты до трапа я не умыкну еще одного лича. Или все дело в моем загадочном соседе? Чтобы не столкнулась ненароком со шпиёном.

Вот только едва я со сходни ступила на дощатый помост, меня ждало весьма неожиданное и не самое приятное знакомство. Молодой человек в форменном зеленом суконном мундире с амбарной книгой под мышкой и какой-то висюлькой в другой руке.

– Мытник, – пропищала из миски крыса (ее любопытный нос торчал из узелка, а усы непрестанно шевелились) на мой невысказанный глубоко нецензурный вопрос: «Какого?..»

Признаться, увидев форму, я подумала на матушку, которая решила подсуетиться и устроить мне радушный прием. Но пояснение спутницы, что передо мной всего-навсего местный аналог таможни, как ни странно, успокоило.

– Пошлинник порта стольной Эйссы Норин Арглосский, – представился юноша, кивая.

На его заученную фразу в моей душе поднялась волна: это в свое болото демонстративно плюхнулась жаба, она же жадность обыкновенная, сидящая на диете безденежья, а оттого жутко злая. Раз пошлинник, значит, будет взимать плату. А мне с единственным золотым расставаться не хотелось до дрожи. Именно от этого скардного чувства ресницы мои затрепетали, губы непроизвольно сложились уточкой, и я выпалила фразу, столь типичную для блондинки, которую остановил гаишник:

– Ой, а вы у меня первый...

Судя по ошеломленному виду мытника, такой фразой его приветствовали впервые. Я же стреляла глазками и изображала смущение, а заодно наблюдала. Вот дернулся на тощей шее кадык, румянец расцвел на острых скулах. Щеки по цвету сравнялись с порезом, что оставила прожорливая бритва. Наверняка точеная сталь рассчитывала на матерую мужскую щетину, а получила на закуску лишь юношеский пушок и, оскорбившись, потребовала смыть позор кровью.

Наконец юноша справился со смущением и, пытаясь казаться суровым, спросил:

– Имя? Цель прибытия в столицу?

– Монсеррат Кабалье, – брякнула я первое имя, пришедшее на ум, и вспомнила, что в этом мире лишь у простолюдинов запястья чисты. Оттого незаметно поспешила одернуть манжету, пряча родовую татуировку.

Кстати, пока мы летели на дирижабле, я выяснила, как крысявка, лишь взглянув на мою кисть, смогла точно назвать имя рода. Сперва подумалось: неужели она знает все изображения, как иной геральдист – гербы аристократов? Оказалось, все гораздо прозаичнее. Татуировка – не цельный рисунок, а своеобразная вязь рун, только не тех, что использовались в быту, а более

древних. Для себя я поняла, что это как кириллица или глаголица и современный русский алфавит: вроде отдаленно похожи, но без определенной сноровки не прочтешь.

Вот и сейчас, памятуя об этой интересной отметине на запястье, я постаралась ее скрыть. А чтобы собеседник не проявил инициативу, уточняя мои позывные, я с милой улыбкой поинтересовалась:

– А личный досмотр проводить будете?

– А вы везете с собой запрещенные амулеты, снадобья, контрабанду? – чуть резче, чем надо, произнес пошлинник.

Я уловила эти нотки и поняла: поразить до глубины души таможенника мне не удалось, но все же я сумела выбить его из привычной колеи. Теперь оставалось дожать. Вот только чем? И тут вспомнились рассуждения бабушки Софы касательно деда, заядлого любителя футбола. Если хочешь произвести неизгладимое впечатление на мужчину, не надейся на шикарное платье, прическу, макияж, манеры. Жизнь долгая, и обязательно встретится ему та, что переплюнет тебя и нарядом, и внешностью, и лоском. И самое обидное, что попасться она может не после, а до тебя. Но вот если ты забьешь гол с углового, тогда да... Мужчина будет сражен наповал, ибо подобное навряд ли повторит хоть кто-то еще. Даже мужик.

Увы, претворить в жизнь совет бабули в точности я не могла, но основную мысль уловила: сделай или скажи то, чего от тебя не ожидают, выбей почву из-под ног.

– Не знаю, меня матушка в дорогу собирала... – С этими словами я на голубом глазу, как законопослушная гражданка, вытянула перед собой узелок, мысленно прикидывая образ «мамаша». Отчего-то на передний план лезли борода и курительная трубка.

Пошлинник, узрев перед носом узелок, из которого торчала крысиная морда, щелкавшая зубами, сделал шаг назад.

Воспользовавшись тем, что появилось место для маневра и я могу проскочить, споро прижала поклажу к груди и, протараторив: «Я так и думала, что смотреть не будете», – юркнула мимо паренька.

Мздоимец, не сразу сообразивший, что только что пустил на столичную землю девицу без уплаты пошлины, запоздало протянул руку в бесплодной попытке схватить нахапку. Но его пятерня лишь мазнула воздух.

Я, подгоняемая его выкриком: «А ну, стой!» – припустила во все лопатки. Крысявка, успевшая вылезти из узелка, вцепилась лапами в мое плечо и верещала в ухо то «пригнись!», то «влево!», когда парень начал швыряться заклинаниями, размахивая висюлькой.

Благо забег по пирсу оказался коротким. Ввинтилась в шумную, а главное, плотную причальную толпу. И все же ощущение, что кто-то упорно буравит мне спину, не покидало. Чуть отдалившись от пошлинника, прежде чем скрыться за углом, я даже оглянулась. Прошлась взглядом по пирсу, по сходням дирижабля, и на краткий миг показалось, что увидела фигуру в сером плаще. Точно таком же, как у моего давешнего соседа-подранка. Но это было мгновение, после которого я вновь начала петлять как заяц, мало заботясь о том, чтобы запомнить дорогу. А смысл? Города я все равно не знаю. Мне бы сейчас уйти от погони.

Судя по комментариям крысявки, пошлинник давно уже от меня отстал. Это я проявляла излишнюю осмотрительность. В пользу своей теории крыса выдвигала главный аргумент: таких прибывающих в Эйссу до горизонта, и гоняться за каждым...

Скорее всего этот мытник запишет меня в своем журнале как какую-нибудь Монку Кобылу, внесет два медяка и успокоится. Я же представила: реши честным способом уплатить пошлину, сколько бы я недополучила? Ведь сдать с золотого с точностью до медьки... Или попадись мне местный таможенник чуть поматерее, могла и вовсе золотого лишиться под предлогом «сдачи нет», а за вход платить все равно надо... Успокоив такими доводами свою совесть, я начала все больше замедлять шаг, озираясь по сторонам.

До столицы-то я добралась, и даже благодаря заботам матросов есть что перекусить, но вот что дальше? Где искать работу? Стучаться в каждую лавку? Или сразу подавальщицей в трактир? Крыса, восседавшая на моем плече (с этой ее дислокацией я временно смирилась) тоже не могла дать вразумительного ответа, сетуя, что ее предыдущий хозяин ни разу с такой проблемой не сталкивался. Ну да, у магистра, имевшего дюжину особняков, и заботы были чуток другие.

Пока же мы просто бродили по улицам и вертели головами. Крысявка, не бывавшая на твердой земле уже триста лет, с не меньшим, а может быть, даже и с большим интересом глазела на все. И на всех. Ведь на торговом дирижабле даже пассажиры – та еще редкость. Отчасти из-за характера капитана, отчасти банально из-за нехватки «посадочных мест». Всего два закутка, которые с натяжкой можно назвать каютами. Иначе нам бы ни за что не быть нечаянными соседями со шпионом: имейся выбор свободных кают, эльфус наверняка бы поселил загадочного пассажира подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.